



Дмитрий Михайлович Абрамов

Гражданская война. Миссия России

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10394239

*Абрамов Д.М. Гражданская война. Миссия России: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-34-3*

Аннотация

Настоящее произведение посвящено наиболее ярким, переломным и трагическим событиям первой четверти XX века в истории России, связанным с Гражданской войной (1917–1922/23 гг.). Большинство персонажей произведения являются реальными, известными или малоизвестными историческими личностями – офицеры, солдаты, военачальники, поэты, общественные деятели, – жившие, любившие и воевавшие в те далекие трагические годы. Д. Абрамов реконструирует события, раскрывая «белые пятна» эпохи, изменившей историческую судьбу России.

В своей новой книге, являющейся своего рода продолжением труда «Первая мировая война. Миссия России», Д. Абрамов использовал широкий круг исторических источников и специальной литературы: материалы Государственного военно-исторического архива, картографические и топографические материалы, мемуары, редкие публикации, сведения из специальных изданий, дореволюционных газет и др. Главной целью, которую ставил перед собой автор, был показ исторической мессианской роли России, «вставшей на дыбы» и изменившей весь мир.

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Д.М. Абрамов

Гражданская война. Миссия России

*Всем участникам Гражданской войны 1917–1922 гг.
посвящается.*

*Да откроет им Истину Господь. Да спасет и оправдает их всех:
белых, зеленых и ... красных.*

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.*

А. Блок

Мною сделано это.
Библия. Вторая книга Паралипоменон. Глава XI, строфа 4

*С огромной благодарностью и признательностью моим
консультантам и помощникам
И.Б. Тихоновой, В.Н. Васечко, О.Н. Яшиной*

© Абрамов Д.М., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Вместо предисловия

Стремительный, взрывной и кровавой пришла в Европу весна 1916 года. Уже восемнадцать месяцев человечество несло на своих плечах бремя Первой мировой войны. От Красного и Средиземного до Балтийского моря оборонительными линиями, окопами, капонирами, пулеметными гнездами, блиндажами, ходами сообщения, воронками от снарядов были распаханы тысячи километров земли. Они пролегли через пустыни Синая и Палестины, степи и болота Месопотамии, Армянское нагорье, упираясь в берега Черного и Каспийского морей. От Эгейского моря почти до Адриатики исполосовали гористые Балканы. Проснулись разбуженные гулкой канонадой Восточные предгорья Альпийских гор. Врезаясь в заповедные Швейцарские Альпы, линии фронта до пролива Па-де-Кале искромсали цветущие города, села, храмы, поля и сады Западной Европы. От плодородных юго-восточных склонов Карпат до песчаных пляжей и дюн Рижского залива, островов Эзеля и Даго были изрыты фронтом просторы Восточной Европы. Ужас, неутешное горе, разруха и нищета пришли в дома людей, живших на линиях столкновений воюющих армий. Но не меньшее горе и неутешная разлука пришли и поселились в сотни тысяч семей, отправивших на войну своих кормильцев-отцов, сыновей, братьев, суженых и любимых.

И следом не только земля, но заливы, моря и океаны слышали тревожные сигналы боевых призывов, грохот тяжелых корабельных орудий и цепей, взрывы мин и торпед. Корабли и субмарины Германской, Австро-Венгерской, Османской, Британской, Российской империй, Франции, Италии бороздили Черное, Средиземное, Северное, Балтийское моря, Атлантику, Тихий и Индийский океаны. Они несли смерть друг другу, транспортам, судам гражданского флота, прибрежным городам и селениям. Даже с небес, к которым с мольбой люди поднимали руки, вознося молитвы к Творцу и прося его о милости и спасении, даже с небес, прочерченных смертоносными полетами крылатых машин, на людей низвергалась гибель. Авиационные бомбы и пулеметные ливни с высот в сотни метров страшнее самого крупного и страшного града взрывали землю, уродовали дома, убивали, ранили, увечили людей, губили все живое.

За последние 4 месяца 1914 года с самого начала Первой мировой Россия успела провести пять крупнейших наступательных операций (Восточно-Прусскую, Галицийскую, Варшавско-Ивангородскую, Лодзинскую на Восточном фронте и Сарыкамышскую в Закавказье). Этим она спасла Францию и Сербию от разгрома немцами и австрийцами. Да, первое наступательное сражение с германскими армиями в Восточной Пруссии было плохо подготовленным, неудачным для России. Но 2-я русская армия генерала Самсонова легла костями среди Мазурских озер Восточной Пруссии и спасла Париж от прорыва германских войск на реке Марне. Столица Франции была спасена тогда первый раз в ходе войны. Западные союзники России: Франция, Великобритания и Бельгия – лишь отразили наступление германских войск на Париж, выиграв битву на реке Марне. После этих событий война на Западе приобрела затяжной (позиционный) характер.

Разгром русскими войсками в Закавказье под Сарыкамышем 3-й турецкой армии создал благоприятный для союзников стран Антанты военно-политический фон для боевых действий в зоне пролива Дарданеллы. Готовясь к кампании 1915 года, англо-французское командование обратилось в начале января к русскому верховному командованию с просьбой усилить свои войска и активизировать их действия на Восточном фронте, с тем чтобы максимально облегчить положение союзников на Западе. Русское командование согласилось на их просьбу, но с условием, что англичане и французы, в свою очередь, путем крупной морской или сухопутной демонстрации в районе Дарданелл отвлекут часть турецких сил с Кавказского фронта. Такое условие русских весьма устраивало союзников, особенно Англию, кото-

рая усматривала в этом возможность упредить Россию в ее вековом стремлении овладеть Константинополем и проливами. Одновременно Англия и Франция рассчитывали своими действиями в районе Дарданелл ускорить вступление в войну Италии на стороне Антанты. Английское и французское командование приступило к разработке плана настоящей, а не демонстративной операции. Узнав об истинных намерениях своих партнеров по войне, русское правительство забило тревогу. Оно стало настойчиво добиваться от Англии и Франции решения вопроса о будущей судьбе Константинополя и проливов. Но англичане и французы всячески затягивали переговоры по этому вопросу. И только уже в ходе операции, когда их попытки овладеть Дарданеллами провалились, они были вынуждены согласиться на присоединение к России Константинополя с прилегающими к нему берегами проливов. Но и с их стороны было выдвинуто условие, что Россия будет до конца сражаться на стороне Англии и Франции, если последние также осуществят свои захватнические планы в Азиатской Турции и в других областях. Соглашение было подтверждено рядом документов, оформленных в марте – начале апреля 1915 года.

Англия и Франция отвели для проведения операции крупные силы флота: 11 линейных кораблей (один из них новейший – «Куин Элизабет»), 1 линейный крейсер, 4 легких крейсера, 16 эскадренных миноносцев, 7 подводных лодок, 1 авиатранспорт с 6 гидросамолетами, 21 тральщик, 1 канонерскую лодку и большое число вспомогательных судов. Германское и турецкое командование только в середине февраля узнало о готовящейся операции. Началось спешное сосредоточение частей и соединений 1-й и 2-й турецких армий (около 200 тыс. штыков) в зоне проливов и приведение в боевую готовность береговых укреплений и артиллерии. Перед началом операции английские и французские корабли имели на своем вооружении 230 орудий калибром от 102 до 381 мм (в их числе 8 орудий самого крупного калибра 381 мм); турецкая береговая артиллерия – около 200 орудий калибром от 120 до 355 мм (в их числе 6 орудий 355 мм). До начала операции турки выставили южнее пролива минное заграждение (334 мины), состоявшее из 9 линий. Сражение началось утром 19 февраля с обстрела семью английскими и французскими линейными кораблями турецких внешних фортов на Галлиполийском полуострове. Корабли Антанты двинулись в пролив. Но союзников ожидали неудачи, несмотря на перевес в огневых средствах. Турецкая береговая артиллерия отчаянно и небезуспешно отстреливалась и наносила сильные повреждения кораблям англичан и французов. Некоторые из них подорвались на минах. Уже более четырех с половиной веков подряд самые восточные берега Европы и самые западные берега Азии не оглашались громом столь мощной артиллерийской канонады. Дымы, гарь, зарево пожаров и разрывов вспыхивали и плыли над лазурными водами древнего Геллеспонта. Сражение за проливы растянулось не на дни и недели, а на месяцы. Однако, несмотря на первые неудачи, англичане и французы решили продолжать Дарданелльскую операцию. Они запланировали высадку сухопутных войск на полуострове Галлиполи с целью захватить турецкие форты с тыла и облегчить прорыв флота через Дарданеллы в Мраморное море. В десант назначались 1 английская и 1 французская дивизии, австралийско-новозеландский корпус, три бригады английской морской пехоты и греческий добровольческий легион (всего 81 тыс. штыков). Этим войскам придавались 178 орудий разных калибров. Общее командование этим десантом было возложено на британского генерала Гамильтона. Утром 25 апреля десантные суда и корабли поддержки подошли к турецким берегам у пролива и начали мощную артподготовку. Затем на берег был высажен десант. Турки отчаянно оборонялись. Но англичане и французы все же сумели закрепиться на азиатском и европейском берегах пролива, потеряв за два дня около 18 тыс. человек. Напряженные бои десантных войск с турецкими силами продолжались до конца мая. Несмотря на огневое содействие крупных сил флота, союзники не смогли сломить сопротивление противника и добиться ощутимых результатов. За это время они понесли большие потери в войсках, потеряли несколько кораблей. 13 мая

турецкий эсминец потопил английский линкор «Голайет», а 25–27 мая германская подводная лодка «U-21», пришедшая из австрийского порта Котор, пустила ко дну еще два линейных корабля – «Трайемф» и «Маджестик». После этих потерь англичане отправили свой новейший линкор «Куин Элизабет» в Северное море и увеличили число кораблей противолодочной обороны. Крупные корабли ушли на рейд острова Мудрос, оставив десантные войска без поддержки флота. Правда, отдельные британские корабли и подводные лодки еще прорывались через пролив в Мраморное море и топили турецкие транспорты и корабли. В августе англичане вновь предприняли наступление на полуострове и высадили туда дополнительные десанты. Но 5-я турецкая армия контратаками остановила наступление британских войск. Борьба за полуостров продолжалась до декабря. Но уже в начале ноября союзное командование приняло решение эвакуировать свои войска. Эвакуация закончилась 9 января 1916 года. Дарданелльская операция потерпела полную неудачу. Младотурецкое правительство Османской империи ликовало. Энвер-паша (министр обороны) выказывал свое почтение и уважение германскому генералу фон Сандерсу, командовавшему турецкими войсками в той операции. Однако та и другая стороны понесли громадные потери. Союзники по Антанте потеряли более 146 тыс. человек. Потери турецкой армии по официальным данным составили 101 тыс. только убитыми. Общие потери превысили четверть миллиона из 300-тысячной армейской группы в зоне Проливов. Это была одна из самых кровопролитных боевых операций в новой истории Османской империи. И хотя значение ее невелико для истории Первой мировой войны, но она заняла важное место в национальной истории турецкого народа. В те месяцы на берегах пролива формировался костяк будущей национальной армии республиканской Турции. В боях под местечком Анафарты стойко отражал атаки британцев XVI армейский корпус под командованием полковника Мустафы Кемаль-бея, кому грядущее уготовило особое место в истории Турции.

Мало кому и сейчас известно, что армянские части в составе турецких войск показали высокие боевые качества в сражениях на Галлиполийском полуострове при разгроме Дарданельского десанта англичан и французов. Дрались армяне, призванные в турецкую армию, против Антанты и в Месопотамии. Они выполняли решение своей национальной партии Дашнакцутюн, гласившее: «Каждый армянин обязан выполнять свой долг османского подданного; следовательно, мы имеем право на то, чтобы турецкое правительство признало наше прямоту и искренность. Мы готовы защитить целостность Османской империи и нашу родину». Руководство Дашнакцутюн уведомило в начале войны лично Талаат-пашу, как министра внутренних дел и члена триумvirата (руководства младотурецкой правящей партии) об изложенной выше позиции партии и заверило Талаат-пашу в своей лояльности к властям. Речь шла, однако, об армянах в Западной Армении (Анатолии), находившихся под турецкой властью. Население Восточной части Армении оставалось законопослушными подданными Российской империи. Но восточные армяне, вполне естественно, питали надежды на полное единение всех армян под скипетром российского императора и освобождение от османского владычества своих братьев Анатолии.

Но уже через два дня после начала высадки галлиполийского десанта, т. е. 15 апреля, Энвер-паша (военный министр) и Талаат-паша направили властям Восточной Анатолии секретный приказ о всеобщей депортации армян как потенциальных сообщников врага в пустынные области Северной Месопотамии. Как подчеркнул Талаат-паша, надлежало «покончить со всеми армянами и всячески стараться уничтожить само название „Армения“ в Османской империи». Мирное христианское население насильно сорвали со своих мест и погнали умирать в пустыню. Гибель целого народа в западной Армении не изменила ни военного, ни политического хода событий. Однако дьявольский план руководителей этой акции, по которому местное мусульманское население от Трапезунда до Мосула было обязано помогать властям следить за пешими колоннами женщин, стариков и детей

(мужчин-армян отделили и депортировали либо ликвидировали), все же осуществился. В тех местах, по которым прошли и погибли эти полтора миллиона несчастных, пожалуй, не было турецкой или курдской семьи, где не появилось бы колечко, или платок, или другая вещица обреченных на голодную смерть людей, а то и рабыня или раб-ребенок из числа депортируемых армян. Эти события известны в мировой истории как геноцид армян. Политическое руководство Османской империи сделало сообщниками преступления своих подданных, не пожелавших добровольно подняться на джихад. Теперь появление войск любого члена Антанты в Восточной Анатолии от Эрзрума до Киликии должно было рассматриваться мирным населением как месть со стороны христиан всем мусульманам.

Тем временем уже весной 1915 года Германия и Австро-Венгрия обрушили мощь всех своих армий на Россию, стремясь вывести ее из войны. Россия утратила свой военный потенциал уже в 1914 году. Восточный фронт был взломан германскими и австрийскими войсками на протяжении от Галиции до Балтийского моря. Бесперывные артобстрелы, газовые атаки привели русскую армию к страшным потерям. В ходе оборонительных боев и широкомасштабного отступления потери русской армии составили 850 тысяч убитых и раненых, 900 тысяч пленных. В течение весны, лета, осени русские войска отходили по всему фронту и оставили Польшу, Литву, Западную Латвию, Западную Украину и Белоруссию. Но главная задача, поставленная германским командованием, так и не была выполнена: Россия не была разгромлена и не вышла из войны. На Западном фронте союзники не предприняли ни одной серьезной наступательной операции, чтобы спасти положение России. Только Италия вступила в войну на стороне Антанты в конце мая 1915 года. Наступление итальянских войск не было особенно удачным, и уже в июле война на Итальянском фронте приобрела позиционный характер. И это была практически единственная помощь русским войскам: австрийцы перебросили с Восточного фронта на итальянский 10–12 дивизий. Относительный успех Тройственного союза (Германской, Австро-Венгерской, Османской империй) весной-летом 1915 года подтолкнул Болгарию присоединиться к нему. Так сложился Четверной союз. Совместно с австрийцами болгары разгромили сербскую армию, которая отступила к Адриатическому морю и была с побережья эвакуирована англичанами на Ионические острова. Сербия была оккупирована австро-венгерскими и болгарскими войсками. Утешением для Антанты было лишь то, что две французские дивизии, высадившиеся в греческом городе Салоники, ударили во фланг болгарской армии. Болгары не смогли выбить их с полуострова. Так образовался Салоникский фронт.

Весной 1916 года английские войска готовились прорвать оборону турок на Синае, развернуть наступление от Суэцкого канала через Синайскую пустыню с целью выхода в Палестину. Еще восточнее 1-й Кавказский отдельный кавалерийский корпус русской армии под командованием генерала Баратова (9850 штыков и 7860 сабель) вступил в Месопотамию и занял Ханекин (150 км северо-восточнее Багдада). Баратов стремился помочь английскому отряду, блокированному турецкой армией в Кут-эль-Амара. Однако помощь русских британцам запоздала, так как английский военачальник Таунсенд сдался туркам в плен с 12 тыс. своих солдат и офицеров. Русскому кавалерийскому корпусу пришлось прекратить дальнейшее продвижение вследствие недостатка сил, так как приходилось действовать на фронте до 650 км, ведя борьбу с местными партизанами-курдами. Тропическое лето, жара, безводье, холера и малярия изнуряли войска генерала Баратова. В Армении, завоеванной османами, русские войска еще в январе-феврале 1916 года провели успешную боевую операцию и взяли крепость Эрзерум. Русская Кавказская армия в Армении весной насчитывала более 207 тыс. штыков и 23 тыс. сабель, 470 орудий, 657 пулеметов. Но турки стянули туда еще большие силы (около 250 тыс. штыков и 45 тыс. сабель) и в конце мая перешли в контр-наступление.

Страшное творилось и в Западной Европе. Германские войска, не сумевшие полгода назад разгромить и вывести из войны Россию, в феврале 1916 года обрушили всю мощь своего ударного кулака на французские позиции у города-крепости Верден. Французы смогли выставить для защиты Вердена 11 дивизий и 632 орудия. Немцы же ударили по французам из 1500 орудийных и минометных стволов. Ведение операции возлагалось на 5-ю германскую армию под командованием кронпринца Вильгельма. Армия усиливалась свежими корпусами и артиллерией резерва. Артподготовка германских войск началась 21 февраля в 8 часов утра. Огонь невиданной силы по отдельным целям, участкам окопов, траншей и укрытий первой и второй линий французской обороны чередовался с обстрелом командных пунктов, батарей, фортов города, селений, перекрестков дорог, госпиталей, гражданских зданий Вердена, расположенных в глубине французской обороны. От этого огня гибли и страдали мирные люди: раненые, дети, женщины, старики, врачи. Для разрушения траншей и окопов немцы использовали в основном минометы. Батареи французов поражались главным образом химическими снарядами, а командные пункты, форты и другие укрепления – огнем сверхтяжелых орудий – 210-мм мортир и 420-мм гаубиц. Железнодорожные станции и госпитали громили и обстреливали сверху десятки аэропланов. За час до атаки огонь германских орудий был перенесен на первую линию обороны и доведен до максимального напряжения. Позднее командующий французскими войсками Петэн писал: «Немцы пытались создать такую „зону смерти“, в которой ни одна часть не смогла бы удержаться. Тучи стали, чугуна, шрапнели и ядовитых газов развернулись над нашими лесами, оврагами, траншеями, убежищами, уничтожая буквально все... На узкий треугольник, заключенный между Брабан, Орн и Верденом, был сосредоточен опустошающий огонь больше чем 2 млн снарядов». Затем десятки тысяч германских солдат были брошены в атаку на французские позиции. Но французы выдержали удар.

Так началась одна из самых кровавых битв Первой мировой, известная под названием «верденской мясорубки». Битва полыхала почти до конца лета. Французское командование, стремясь отвлечь дивизии немцев от Вердена, в начале июля предприняло наступательную операцию на реке Сомме и добилось там небольшого успеха. Для прорыва германских позиций французы и англичане впервые тогда применили танки. Но еще ранее – весной англо-французское командование обратилось к командованию русской армии с просьбой предпринять наступление на Восточном фронте, чтобы ослабить силы германских войск под Верденом и на Сомме. Россия не отказала в помощи. По планам командования русские войска должны были нанести удар по австро-германским позициям на широком фронте от реки Припяти и города Пинска до реки Днестра и города Черновицы. Руководство операцией вручалось генералу А.А. Брусилову. Начало русского наступления намечалось на конец мая – начало лета.

В то время, когда русская армия готовилась к наступательным операциям, на итальянском фронте превосходящие силы австрийцев 2 мая атаковали в районе Трентино войска 1-й итальянской армии. Понеся крупные потери, итальянцы стали отступать. Это сильно встревожило руководящие военные круги Италии. Они обратились в главную квартиру французской армии с просьбой повлиять на русское командование, чтобы заставить его ускорить наступление на юго-западе Восточного фронта и тем облегчить положение дел в Италии. Вскоре итальянское командование непосредственно само обратилось в русскую Ставку с настойчивой просьбой о помощи. Так, 10 мая 1916 года военный атташе генерал Порро просил находящегося в Риме русского полковника Энклея, чтобы тот доложил от имени главнокомандующего итальянской армией Кадорны командующему Алексееву «усердную просьбу ускорить во имя общих интересов начало наступления русской армии».

Глава 1

Кульминация и смена позиций. «Две ли России сошлись воевать?»

Святки – сколько для русского человека в этом слове сокрыто светлых воспоминаний, сколько тепла, берущих начало в детстве, отрочестве, юности, девичестве! В этом слове и Светлое Рождество Христово, и торжественное богослужение в храмах с тысячами весело горящих свечей, и нарядная елка с Вифлеемской звездой, и подарки, и Новый год, и каникулы, и Крещение с водосвятием и ледяной купелью, и Татьянин день...

Кирилл Космин и Петя Усачев, как и многие другие, хранили в себе это тепло и воспоминания. Наступившая поздней осенью распутица, а затем зима временно прервали активные боевые действия Добрармии. Перед Святками Космин и Усачев отпросились в отпуск и уехали в Ростов. Туда приехали вечером, как раз перед всенощной Рождественской службой. На улице было морозно и сухо. Легкие снежинки кружились в воздухе. Темно-синее небо высветилось звездами.

Когда в вечерних сумерках они подходили к знакомому дому, Кирилл посмотрел на освещенные окна и увидел в одном из них желанный женский силуэт.

– Смотри, Петя. Не Женя ли стоит и высматривает кого-то? – спросил он, обращаясь к Усачеву.

– Она. Точно она! Вот сестра, стоит у окна и ждет нас. Вот женское чутье! – с восхищением отвечал тот, всматриваясь в окна.

Женщина у окна, верно, заметила их и отпрянула вглубь комнаты. Следом, ускоряя шаг, офицеры почти бегом взлетели на высокое крыльцо. Парадная дверь дома была открыта. Уже в прихожей им на встречу вышел радостный Гордей Гордеевич, кинувшийся обнимать и расспрашивать желанных гостей. Быстро пройдя прихожую, расстегивая и снимая на ходу ремни с шашками, фуражки, развязывая башлыки, распахивая шинели, одновременно обнимаясь и общаясь с Гордеем Гордеевичем, они стремительно и живо ворвались в натопленную чисто убранную гостиную. Там их с улыбкой встречала дородная и еще довольно молодая хозяйка дома, и, видно, приболевший Петр Михайлович, с шарфом на шее, приветствовавший сына и гостя хриплым голосом. Конечно, первым делом он со слезами бросился к Петру Петровичу и крепко прижал его к своей груди.

– Боже мой! Радость-то какая. Петенька живой, здоровый! На праздник обрадовал Господь! Здравствуйте родные мои! Желанные! – запричитал он.

– Располагайтесь Кирилл Леонидович! К столу, господа офицеры! С дороги-т водочки с огурчиком! Да и мы разговеемся. Ведь Звезда уже! Сочельник-то прошел. Матушка, а ну-ка неси из закровов все, что осталось, мечи на стол графинчик, да огурчики, да грибки, да селедочку, да хлебушек пшеничный. Да стопочки не забудь! – засуетился Гордей Гордеевич.

Хозяйка забежала. Кирилл в смущении остановился на полпути, не найдя взглядом в большой и светлой гостиной той, о ком давно тосковала его душа.

– Почему нет ее? Неужели она не рада моему приезду? Ведь верно видела нас, когда мы подходили к дому. Неужели я зря так торопился увидеть ее? – закрутились вопросы и мысли в голове Космина.

На минуту-другую сильнее горечь и обида закрались в его сердце.

– Что с тобой, Кирилл? Да на тебе лица нет! Пап, а где Женя? – радостно спрашивал Петя.

– Да только что тут была! Весь день у окна стояла, молчала, ровно ждала кого-то, а как темнеть начало, у зеркала со свечей сидела. Гадала ли!? А тут подошла к окошечку да

как вскрикнула и убежала куда-то, – отвечал Петр Михайлович с радостью и утирая слезы на глазах.

– Не плачь, пап. Все – слава Богу. Живы, как видишь! Женья, да где же ты? – громко успокаивая отца и зовя сестру, говорил Петя.

Кирилл со скорбью и тоской хранил гробовое молчание. Так продолжалось несколько минут. Он уже было потянулся застегнуть шинель и откланяться, как вдруг двустворчатые двери, ведущие в одну из комнат, раскрылись... С румянцем на лице, с сияющими глазами, со слегка растрепанной гривой волос, в великолепном длинном платье с большим декольте вышла, и даже не вышла, а, распахнув двери настежь, выступила она. Лишь мгновение искала она его глазами среди окружающих родных и близких людей. А потом случилось то, чего никак не ожидал ни он, ни кто другой.

Стремительно, как лань, забыв все приличия и свою девичью гордость, она пробежала по гостиной и со слезами бросилась ему на грудь, охватив своими руками его плечи в серой шинели. Глухие, беззвучные рыдания сотрясали ее тело, когда Кирилл с нежностью, любовью, сдерживаясь перед окружающими его людьми, обнял и стал тихонько целовать ее в голову. В гостиной воцарилось неожиданное, полное, но доброжелательное молчание. А Кирилл и Женья утонули в объятиях друг друга.

А потом было недолгое, но радостное застолье, во время которого они сидели рядом, бок о бок, и он держал ее горячую руку в своих руках. Все чокались, выпивали, закусывали. И они тоже со всеми вместе, но как бы и вдвоем, не со всеми. Счастливые, они прятали глаза от всех. Потому что ничто в мире в тот момент не существовало кроме них для них самих. Все собирались в церковь на всенощную. Собирались и они. А потом было долгое и радостное богослужение. И жарко горело множество свечей, и хор торжественно выводил:

– «Рождество твое, Христе – Боже наш, возсия мирови свет Разума. В нем бо звездам служащие, Звездой учахся...»

И прихожане сотнями голосов радостно, не всегда впад, но все же многогласно и складно подпевали хору. И они тоже радостно подпевали и улыбались всем и друг другу. Но среди всего этого огромного числа молящихся и радующихся Рождеству они все же оставались только вдвоем перед родившимся, воплотившимся на Белый свет Богомладенцем и Спасителем Мира.

* * *

Страны Антанты начали подготовку мирных договоров с побежденными, для чего созывалась мирная конференция. Франция настояла на том, чтобы конференция проходила в ее столице – в Париже, а точнее в Версале. Парижская конференция начала свою работу 18 января 1919 года. В ней принимали участие представители 27 стран, но ведущую роль в ней играли президент США Вудро Вильсон, премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж и премьер Франции Жорж Клемансо. Побежденные не были приглашены вообще. Не присутствовали и не были приглашены представители России, сотрясаемой Гражданской войной.

Накануне тех событий Вудро Вильсон просил премьера Греции В. Венизелоса обобщить все территориальные притязания Греции к Турции. Тот составил по этому поводу меморандум. В этом документе вся Западная Анатолия должна была войти в Новую Грецию. Стамбул (с населением 360 тысяч греков и 500 тысяч турок), по мнению Венизелоса, следовало бы передать Греции, которая в свою очередь гарантировала бы интернационализацию Проливов. Новую мощную Грецию устроило бы установление протектората грядущей Лиги Наций над Стамбулом и зоной Проливов. Фактически эта зона была бы окружена греческой территорией, а Измир (Смирна) «стал бы вольным городом-портом». Греческий пре-

мьер не забыл и Восточную Анатолию, где предполагал создать нечто вроде армянско-греческого государства под мандатом Лиги Наций. Весьма «милое, мирное государство», которое должно было начать свою жизнь с того, чтобы поднять флаг Лиги и депортировать турок. Не сказано было только одно – куда?

Однако проект Венизелоса был положен в дальний ящик. Он показался американской делегации в Париже чрезмерным, поскольку не совпадал с расчетами самого В. Вильсона. Греческий премьер учел высказанное недовольство и в продолжение двухдневных речей (3 и 4 февраля 1919 года) уже в ходе официальных заседаний конференции поддерживал только мандат Лиги Наций на Стамбул, подчеркнув, что Греция, несмотря на 360-тысячное греческое население, «не выдвигает никаких претензий на Константинополь». При этом он продемонстрировал приличное знание мусульманского богословия и очень неважное знакомство с этнографией и статистикой Малой Азии.

* * *

Как только установился зимний путь в южных областях и губерниях России, войска Красной армии Южного фронта 4 января 1919 года (по новому стилю) перешли в решительное наступление и, сломав упорное сопротивление Донской армии, успешно продвинулись на юг и юго-восток. Развал фронта, который удерживали белоказачьи части, был налицо. Генералу Деникину наконец удалось захватить лидерство в Белом движении на юге. В этих условиях генерал Краснов был вынужден подписать соглашение, положившее начало созданию «Вооруженных сил Юга России», главнокомандующим которыми стал А. И. Деникин. В их состав вошли Добровольческая, Донская и Кавказская (впоследствии Кубанская) армии, а также Черноморский флот. Однако избежать катастрофы Краснову не удалось. 8-я и 9-я армии красных, наступавшие на центральном участке фронта, к концу февраля отбросили деморализованные донские части и вышли на линию Юзовка – Енакиево – южнее Миллерово – восточнее Белой Калитвы. Из 85-тысячной армии генерала Краснова за Северский Донец вырвалось из окружения и отошло не более 15 тысяч человек. Круг спасения Дона отстранил от должности заслуженного генерала и выбрал атаманом угодного Деникину генерала Богаевского. Остатки Донской армии были переданы в полное подчинение главнокомандующему «вооруженных сил Юга России». Началась немедленная реорганизация и пополнение Донской армии за счет мобилизации донских казаков на территориях, контролируемых Добровольческой армией. Деникину же ценой больших усилий и жертв удалось стабилизировать положение на фронте. Теперь судьба Белого движения в России перешла в руки адмирала Колчака и генерала Деникина.

С большими потугами благодаря борьбе за лидерство в рядах антисоветских и антибольшевистских сил, единство действий белых армий под началом адмирала Колчака все же было достигнуто. Немаловажная роль в этом принадлежала представителям Антанты.

«На нашу дружбу и единение не могут повлиять никакие обстоятельства. Желаю соединиться и встретиться с вами как можно скорее!» – телеграфировал Колчак Деникину в феврале 1919 года.

На эту телеграмму генерал ответил благожелательным письмом. Штабы обеих армий начали координацию своих действий, насколько это позволяли военно-стратегическая ситуация и растянутость линий связи. Главная роль в весеннем наступлении 1919 года отводилась армиям Колчака. Вооруженные силы «Верховного правителя» были сформированы в Сибири. К марту 1919 года они включали в себя Уральскую, Оренбургскую (белоказачью), Западную и Сибирскую армии, Южную армейскую группу – всего 91 тысяч штыков и 26 тысяч сабель, 210 орудий, 1330 пулеметов, 5 бронепоездов. Главный удар Колчака был направлен на Уфу – Самару с целью выхода к Волге и соединения с Деникиным. Главный

удар наносила Западная армия генерала М. В. Ханжина. Вспомогательный – на Ижевск и Казань – наносила Сибирская армия генерала Р. Гайды. Так на направлении главного удара штабом Восточного фронта создавалось более чем двойное превосходство в силах и средствах. Им противостояли силы армий красных численностью до 84 тысяч штыков и сабель при более слабом пулеметном и артиллерийском обеспечении.

Колчаковские войска перешли в наступление 4 марта. Прорвав фронт красных армий, расчленив их на две отдельные группы – северную и южную, армии адмирала к началу апреля овладели Актюбинском, Оренбургом, Орском, Бугурусланом, Бугульмой, Чистополем, Сарапулом, Уфой. Создавались условия для выхода Белых армий Колчака к Волге и соединения их с войсками Деникина.

* * *

Полиция и жандармерия Стамбула были подчинены назначенному британскому коменданту. Общественные организации и профсоюзы турок разогнаны. Военные долги Турции уточнены – 289 млн золотых лир. Подверглись репрессиям национальные организации арабов, армян и даже греков. В Лондоне в кругах верхнего эшелона власти усмехались и поговаривали: «Турция, конечно, не алмаз в короне Британской империи, как Индия, но после наведения порядка заблестит».

Новый турецкий премьер, британский ставленник, санкционировал массовые аресты среди патриотически настроенной интеллигенции Стамбула и Анкары, не склонной к безусловному подчинению Англии. Нижняя палата парламента, в которой прорывались выступления против Антанты и монархические настроения, была распущена уже 21 декабря 1918 года.

К началу 1919 года согласно Мудросскому перемирию турецкая армия сдала войскам союзников 145 тыс. винтовок, 682 пулемета, до 2 тыс. орудий. Хотя во много раз больше оружия разошлось по всей стране. Однако армейские склады в центральной Анатолии сохранялись в полном порядке, и попыток овладеть складами со стороны каких-либо организованных преступных группировок или их разграбления населением не последовало. Массовое уважение турецкого населения к армии сохранялось даже в условиях полного распада Османской империи. Тем временем британцы заняли Мосул и Александретту. В Стамбуле высадились сначала британские, затем французские и итальянские войска. До 16 марта 1920 года, когда была объявлена официальная оккупация турецкой столицы, войска Антанты осуществляли функции «проведения в жизнь Мудросского соглашения». За выполнением его условий «наблюдали»: 41,5 тыс. английских, 59 тыс. французских и 17,5 тыс. итальянских войск. Формально турецкие войска насчитывали 50 тыс. штыков и сабель. На деле их было во много раз меньше.

До открытия в январе 1919 года общей мирной конференции в Париже Англия и Франция сохраняли за Османской Турцией внешние признаки суверенного государства. Но фактически они готовили условия для изгнания турок «со всеми пожитками, причем не только из Европы» (как писала западная пресса). Английские войска контролировали всю Багдадскую железную дорогу, включая важнейшие туннели в горах Тавра. Во всех крупных средиземноморских и черноморских портах находились английские гарнизоны. Центральная и Западная Анатолия и район Киликии контролировались штабами британских войск в Стамбуле и Багдаде. В Восточной Фракии и в Аданском вилайете расположились французские экспедиционные войска. Наготове были греческие и итальянские части, чтобы высадиться в Анатолии и оккупировать все сколько-нибудь значительные части Малой Азии. Британцы уже «на законных основаниях» заняли Антеб, древний Мараш, Урфу на территории Сирии. Но местные арабы, курды и турки подняли восстание против британцев. Те жестоко подавили

эти выступления. Обострилась ситуация в Самсуне и Трабзоне – на черноморском побережье Малой Азии, где Англия поддерживала идею провозглашения греческого Понтийского царства.

Англия и Франция занимали своими войсками наиболее перспективные для них области распадавшейся империи. Стамбул и Армению они решили отдать под мандат США. Были согласованы размежевания в Африке и на Арабском Востоке. Не прошло и месяца, как на исходе февраля 1919 года судьба «больного человека на Босфоре» и османского наследства, казалось, была решена европейскими и американскими душеприказчиками.

Рассчитывая на решение проблемы Западной Армении с помощью Антанты, правительство Армении в феврале 1919 года направило делегацию на Парижскую мирную конференцию. В ее состав вошли А. Агаронян, М. Пападжанян и А. Оганджанян. На очередном заседании конференции Совета десяти в Париже 26 февраля 1919 года был заслушан лидер армянских дашнаков Аветис Агаронян с требованием к державам обеспечить создание «Армянской демократической республики» с выходом к Черному морю и включением в ее состав части турецких земель в Анатолии. Это вызвало сильнейшее оживление у слушавших его учредителей нового порядка. 14 мая Парижская конференция приняла решение о передаче мандата на Армению Соединенным Штатам Америки. Правительство Армении подготовило необходимые материалы и передало их представителю президента США генералу Дж. Харборду. Однако Сенат США после длительного обсуждения отклонил предложение президента США Вудро Вильсона о принятии мандата на Армению.

Эмир Фейсал из Аравии, еще не Саудовской, но уже проанглийской, требовал примерно того же – исключительно широкого территориально арабского государства к югу от линии Диарбакир – Александретта. Его слушали – не столь внимательно. Союзные державы решили судьбу больших арабских вилайетов как территориально оторванных от остающейся османо-турецкой части. Кроме того, арабы были слишком далеко от Красной (или Белой) России. А вот армяне... Было о чем поразмыслить стратегам из Антанты.

Еще раньше, в марте 1919 года, слово («Покороче, покороче, пожалуйста!» – предупреждал ведущий) было предоставлено лидеру курдских националистов Шериф-паше. Его слушали вообще вполуха, а уж ассирийцев, пытавшихся требовать возвращения на утраченные в связи с войной родные земли, слушать вовсе не стали.

Первые, т. е. непосредственные виновники, вовлекшие Османскую империю в войну: Энвер-паша, Талаат-паша, Джемаль-паша и Джавид-бей – фактически ушли от наказания либо были вне пределов досягаемости. Разрыв отношений турок с немцами положил конец вопросу о выдаче немецкой стороной лидеров младотурецкой партии, скрывавшихся в Германии. На трех публичных процессах в апреле – июле 1919 года были осуждены как «виновники войны», так и «виновники в войне» (военные преступники). Приговорен к смерти арестованный англичанами губернатор Токата Кямилъ Махмуд-паша, инициатор и участник армянской резни 1915 года. Публичная казнь Махмуд-паши через немыслимо позорное для мусульманина повешение стало своего рода искупительной жертвой всего младотурецкого руководства. Мир ислама на Ближнем Востоке содрогнулся от ужаса.

Тем временем, преодолев противодействие командования британских войск в Закавказье, правительство Армении в апреле – мае установило контроль над Карсом, Олти, Кагызваном. Так почти полностью были восстановлены границы Армении 1914 года. Руководство 28 мая объявило страну «объединенной и независимой республикой», заявив, что «для восстановления целостности Армении и обеспечения полной свободы и благосостояния народа Правительство Армении, согласно единой воле и желанию всего армянского народа, заявляет, что с сегодняшнего дня разрозненные части навсегда объединены в независимый государственный союз». В состав парламента Республики Армении были дополнительно введены 12 депутатов – представителей западных армян.

* * *

По всей огромной петле фронтов, охватившей и стягивающей центр европейской Советской России, весной 1919 года развернулась ожесточенная борьба, начался обмен ударами, производимыми белыми и красными армиями с нарастающей силой. Казалось, что петля белых армий и войск Антанты пульсировала на шее молодого революционного государства, то ослабевая, то затягиваясь вновь.

Воспользовавшись тем, что главные силы РККА были втянуты в бои против войск Колчака, генерал Деникин двинул в наступление корпус Добровольческой и Донской армии. Добровольческая наступала от Ростова на северо-запад. Удары наносились веером – на Мелитополь, Бахмут, Луганск. Целью Донской армии было освобождение от красных верховских станиц Войска Донского. Затем они должны были взять Воронеж. Отдельные части Добровольческой армии (сформировавшие в дальнейшем Кавказскую армию) наступали на Царицын, Балашов, и ее полки на отдельном участке выше Царицына вышли к Волге. Войсковая группа генерала Эрдели укрепилась в степях Калмыкии и подошла к побережью Каспийского моря. Ее целью была Астрахань.

В последней декаде марта корпус Добровольческой армии под началом генерала Май-Маевского занял южный район Донбасса. В корпусе насчитывалось до 6 тысяч штыков и 14 тысяч сабель. Восточнее – в направлении на Луганск – наступал корпус генерала Покровского (дивизии генералов Шкуро и Пржевальского) в составе 12 тысяч штыков и 7500 сабель. Им противостояли части 8-й и 13-й армий общим числом 26 тысяч штыков и 3300 сабель. Правда, их поддерживали отряды партизан-анархистов батеньки Махно численностью до 10 тысяч сабель с 20-ю тачанками. И, казалось, силы были равны. Командование Красной армии выделило против корпуса генерала Покровского лишь четвертую часть сил 8-й армии. Основные силы были нацелены на слабейшую, как казалось тогда красным, группу Май-Маевского. Однако белые, в силу подавляющего превосходства в коннице, обладали в несравненно большей степени подвижностью, предприимчивостью и разведкой. Маневр командования красных был ими разгадан. Корпус Май-Маевского временно отступил. Но уже 27 марта войска генерала Покровского перешли в наступление на Луганском направлении и нанесли удар в левый фланг наступающим частям 8-й армии. Этот контрманевр сорвал намеченную операцию красных. Две дивизии 8-й армии вынуждены были изменить направление своего движения. Вместо удара по частям Май-Маевского они вступили в бой с корпусом генерала Покровского. Это, в свою очередь, поставило в тяжелое положение 13-ю армию и соединение Махно. Начальный успех этих войск был быстро сведен на нет казачьей конницей. Ударом кубанской конной группы генерала Шкуро между Мариуполем и Волновахой было нанесено несколько поражений нестойкой в моральном отношении группе Махно. Красные начали отступление по всему Южному фронту. Корпус Май-Маевского в первых числах апреля вновь занял южный Донбасс.

* * *

В том наступлении Космин познакомился с новой тактикой, что применили красные в Гражданской войне. Это случилось на железной дороге под Луганском. Еще в бинокль он увидел дымный шлейф, тянувшийся из трубы паровоза, идущего по железнодорожному пути со стороны города навстречу наступающим частям Дроздовской дивизии. Затем, когда уже оставалось версты три-четыре, офицеры и солдаты двух артиллерийских батарей, направляющихся к городу для поддержки стрелковых полков, услышали дальние гудки

тяжелого и мощного локомотива. Отдаленный грохот стальных вагонов, раскаты грома тяжелых орудий сотрясли воздух.

– Господа, да это – бронепоезд! Вам приходилось иметь дело с бронированным паровозом и составом? Это новинка, за которую всерьез взялись большевики, – обратился к офицерам командир батареи штабс-капитан Лукин.

– Что, серьезная боевая машина? – спросил кто-то из офицеров.

Все офицеры обратили стекла биноклей в сторону состава, громыхавшего в отдалении колесами, броней и залпами орудий.

– Еще бы! Это вам, господа, не броневик какой-нибудь. Как минимум две батареи орудий (8–10 стволов), да не меньшее количество пулеметов. И все это на скорости железнодорожного состава, да под прикрытием толстой брони. Ну а на борт такая адская машина может взять сотню-другую стрелков для прикрытия, – отвечал Лукин.

– Будем встречать этот броненосец на колесах? Как прикажете, господин штабс-капитан? – задал вопрос Космин, у которого заныло под сердцем.

– Всенепременно, прапорщик. Приказываю! Быстро развернуть батарею вот в той рощице, что в версте от чугунки. Орудия замаскировать в кустах ветками! Благо зелены уже обрызгало. Космин, займитесь этим. А я свяжусь с нашей 1-й батареей. Надо предупредить их.

В течение получаса 2-я батарея дивизии была развернута орудийными стволами в сторону железной дороги и замаскирована. Люди приготовились к артиллерийской дуэли с бронированным чудовищем. Состав красных двигался неторопливо и, видимо, успешно обстреливал стрелковые части дроздовцев. Однако это и отвлекло его командира и экипаж. Они не заметили батареи, укрытой недалеко от железнодорожного полотна. Орудия бронепоезда были развернуты на восток и вели огонь по дальним целям. Полотно дороги делало в этом месте поворот на запад. Батарея расположилась южнее состава. Когда до поезда оставалось чуть больше версты, командир батареи приказал зарядить бронебойными и наводить. Поезд медленно полз, громыхал броней на стыках, а пушки его методично утюжили позиции дроздовцев где-то в двух-трех верстах восточнее.

– Орудия на прямую наводку! Наво-оди!.. Батарея, по бронепоезду пли! – скомандовал Лукин.

«Б-бах-ах-х-х!» – извергли орудийные стволы.

Какое-то время бронированная паровая машина еще двигалась на юг. Но в бинокли было видно, что красные стали разворачивать башенные пушки.

– Батарея! Огонь! – вновь крикнул Лукин.

Орудия послали снаряды красным очередной раз. Несколько снарядов попало в цель. В составе задымилось два вагона.

– Заряжай гранатами! Прямой наводкой!.. Пли! – орал командир батареи.

Батарея успела дать еще два залпа и явно нанесла чувствительный урон бронепоезду. Тот остановился, развернул орудия на юг и начал класть снаряды по роще. Однако красные явно не видели батареи белых. И в этот момент откуда-то с востока по бронепоезду ударили пушки 1-й батареи дроздовцев. Вероятно, один снаряд попал в паровоз и что-то повредил там. Орудия красных зло огрызнулись. Поезд остановился. По роще ударили пулеметы. Среди артиллеристов сразу появились раненые.

– Прапорщик, немедля оставить позицию! Орудия на передки! Уходим южнее! – прокричал Лукин.

Космин велел исполнять. Орудийная прислуга засуетилась. Пули «максимов» секли и срубали ветви деревьев и кустарников, оперившиеся молодыми листочками, в щепки крошили стволы тополей и акаций. Но орудия были быстро впряжены, а раненые посажены на передки. Через четверть часа батарея Лукина оставила рощу и укрылась в широком логоу.

Пули и снаряды красных стали безопасны. Но бронепоезд еще минут двадцать поливал рошу.

– Да, вот она – сила бронированных машин и их орудий, тем более на такой мощной тяге, – промолвил Лукин, снимая фуражку и утирая пот на лбу. – Господа, а вы слышали что-нибудь о танках?

– Что-то очень неопределенное и смутное. Танки? Подобие наших броневикув? – спросил Космин.

– О нет, прапорщик! Наши броневикув на колесном ходу и не столь маневренны. А французские и британские бронированные машины на гусеничном ходу, и потому бездорожье им не грозит. Двигатели их машин более мощные. Кроме того, у них на борту не только пулеметы, но и орудия, – отвечал командир батареи.

– А что такое гусеничный ход?

– О, неужели вам никогда не приходилось видеть, как передвигается гусеница-сороконожка? Это нечто подобное. У танков гусеница – это стальная лента, набранная из соединенных штифтами стальных ребристых пластин – траков. И таких гусениц две – по левому и по правому борту машины.

– И что ж, на этих машинах вообще нет колес? – с интересом спросил Космин.

– Нет, колеса есть, но они внутри гусеничной ленты, они вращают гусеницы, – рассказывал Лукин.

– Однако, как война двигает науку и прогресс! – произнес кто-то из офицеров.

– Господа, вы еще не имели дело с аэропланами! А вот мне приходилось, – сказал командир батареи.

На следующий день стало известно, что бронепоезд красных был очень сильно поврежден артиллерией дроздовцев и с трудом на малом ходу вернулся в Луганск. Наступление частей Добровольческой армии успешно продолжалось. За тот бой у железной дороги Космин получил очередное звание и стал подпоручиком. Многие солдаты и офицеры получили тогда награды и повышения.

В степи юга России пришел теплый, солнечный апрель. Вот тогда в верховских станицах Дона и вспыхнуло небывалое по силе и масштабу антисоветское, антибольшевистское восстание. Оно всколыхнуло и потрясло все российское общество, сотрясло основы молодой Советской Республики, заставило большевиков внимательно приглядеться к казачьей и крестьянской основам российской государственности.

* * *

Положение на Восточном фронте было угрожающим. На Дону ширилось и разворачивалось казачье восстание. Войска адмирала Колчака приближались к Самаре, Симбирску, Казани. Остановить наступление Колчака войска РККА под руководством С. С. Каменева не смогли. Образовавшийся разрыв на фронте шириной в 150 км в низовьях реки Вятки закрыть было нечем. Оценив тяжелую ситуацию на Восточном фронте, ЦК РКП(б) во главе с Лениным разработал «Тезисы в связи с положением на Восточном фронте». Были приняты срочные меры по стабилизации положения и разгрому белых армий Колчака. В конце апреля – в мае на Восточный фронт велась переброска значительных воинских сил, вооружения, боеприпасов. К началу мая силы красных на Восточном направлении насчитывали 143 тысячи штыков и сабель, 511 орудий, 2455 пулеметов. Фронт был разделен на Северную группу войск (командующий В. И. Шорин) и Южную группу войск (командующий М. В. Фрунзе). План контрнаступления, разработанный Фрунзе, предусматривал разгром основных группировок противника на уфимском и сарапуло-пермском направлениях. Главный удар должна была нанести Южная группа войск из района Бузулука на Бугуруслан, Белебей, Уфу с целью

разгрома растянувшихся здесь на фронте в 450 км войск Западной армии Колчака. Северная группа фронтальным ударом на Сарапул и Воткинск наносила удар по Сибирской армии. Для осуществления замысла операции к концу апреля была осуществлена перегруппировка войск. На направлении главного удара было сосредоточено до $\frac{2}{3}$ пехоты, вся кавалерия, конница и артиллерия красных на Восточном фронте.

На должность начальника 25-й дивизии после короткого периода учебы в академии Чапаев был назначен Михаилом Фрунзе – командармом 4-й армией в феврале 1919 года. Дивизию опять формировал сам Василий Иванович в основном из им же собранных частей 22-й Николаевской дивизии и ряда рабочих отрядов. Фрунзе правильно оценил качества военачальника из народа. Тот редко оборонялся и почти никогда не отступал. И оборонительные задачи решал он смело, даже дерзко. В апреле на реке Боровке, севернее Бузулука, боевые действия вела 73-я бригада 25-й дивизии. Фрунзе возложил на бригаду задачу прикрытия района сбора ударной группы Восточного фронта. Группа должна была нанести фланговый удар по белой армии Колчака, наступавшей к Волге. Сбор ударной группы еще не был закончен, когда на Бузулук нацелилась 11-я Уральская дивизия белых. Казалось, 73-я бригада имела пассивную задачу, но Чапаев принял на себя руководство действиями соединения. В предстоящем бою он лично расположил части 73-й бригады: сильные ударные кулаки на флангах и слабую сковывающую группу (два батальона на широком фронте) в центре боевого порядка. Судьба схватки вновь решалась ударом мощной фланговой группы. Чапаев неожиданно перешел в наступление и нанес 11-й Уральской дивизии мощный удар, отбросив ее далеко на север, за реку Кинель.

Боевое новаторство Чапаева не знало шаблонов. Походные движения красных дивизий, как правило, совершались в бригадных колоннах. Но когда 9 мая 1919 года 25-я дивизия двинулась к Бугульме, разведка донесла Чапаеву о встречном движении белых. Он организовал маршевый порядок на широком фронте, приказав бригадам двигаться в полковых колоннах. В итоге белогвардейцы сразу были охвачены превосходящими силами красных полков и понесли поражение по частям. В боях 9–11 мая у селений Татарский Кандыз и Секлетарка были разбиты две дивизии белых.

Фрунзе телеграфировал тогда командованию соседней Туркестанской армии:

«Противник, сосредоточив к востоку от Бугульмы сильную группу, перешел 9 и 10 сего числа в контрнаступление, обрушившись на 25-ю дивизию. В результате двухдневных кровопролитных боев враг разгромлен. Ижевская бригада и 4-я Уфимская дивизия белых понесли тяжелый урон. Красными взято за два дня свыше 2000 пленных, 3 орудия, много пулеметов и другого оружия. Остатки разбитого врага стремятся спастись поспешным отступлением на восток...»

* * *

Еще в сентябре 1918 года Али был ранен пулей в левое плечо в том памятном бою под Орловкой, когда сам Чапай вел кавалерийский полк в атаку под шквалом пулеметных очередей. Недолго парень валялся в лазарете в Николаевске. Молодость и задорный характер взяли свое. Не долечился он и сбежал в свою дивизию. Рана побаливала, особенно вечерами и в плохую погоду, но он не обращал внимания. Главное – его окружали верные друзья-товарищи. Правда, дивизия временно не вела боевые действия, может, оттого, что Чапая послали на учебу в Москву – в Академию, а может, потому, что на осень и начало зимы пришлось сильная распутица и лили затяжные холодные дожди. Но в январе выпал снег, грянули морозы, установилась сухая, солнечная погода. На Южном фронте – на Дону – Красная армия наступала и гнала белых казаков. Слухи об этом приходили в Николаевск самые радостные. А тут в феврале возвратился сам Чапай, и закрутилось...

Новенькая черкеска у Али полиняла и оборвалась, бешмет выцвел. Большая туркестанская папаха потерялась еще в бою под Орловкой. Мягкие сапоги украли, пока он был лежащим в лазарете. Но Али не унывал. Добыл себе сапоги солдатские, кирзовые, папаху хоть и старую, но кубанку. А главное, кинжал, шашка-гурда и винтовка были всегда с ним.

Как-то в начале апреля заскучал Али по своей Чулпан. Решил провести и посватать ее. Отпросился у Салима на четыре дня и ускакал с двумя своими друзьями в знакомый аул, что на реке Камелик. Один друг его – татарин-строитель Керим, другой – русский Митрохин (а попросту Митроха, из русских пастухов). Все при винтовках, шашках, гранаты на поясах. Пусть попробует хитрый Абдула – отец Чулпан отказать такому зятю. Обойдется и без калыма. Весело проскакали они сохнувшей весенней степью на юго-восток сто верст от Николаевска. Были, правда, настороже, потому, что нет-нет да появлялись в тех местах казачьи разъезды. Ночевали в степи у костерка, что развели в логоу. В аул прибыли к вечеру следующего дня. Людей на улице мало: бегали мальчишки, сидели возле домов старики. Подъехали к дому, где жила Чулпан. Спешились. Винтовки – наизготовку, затворы передернуты. Кто знает, есть ли белые в ауле. Керим подошел к плетню, позвал Абдулу. Тот степенно, неторопливо, но с опаской вышел. В левой руке – камча, правая – за пазухой телогрейки.

– Кого привел Аллах к моему дому в этот вечерний час? – спросил он.

– Здравствуй Абдула, долгих лет жизни и здоровья тебе и всей твоей семье. Это я – Али, бывший чабан Юлдузбаева.

– Аллах милостив. Благодарю и тебя. Что хочешь, Али? Что привело тебя к моему дому?

– Помнишь ли, узнаешь ли меня, Абдула?

– Помню тебя мальчишкой, чабаном. А теперь ты – аскер! Слышал я, что ты ушел к красным и воюешь у Чапая?

– Да, я у красных. Прости, что нарушаю наш закон, Абдула, но я хочу увидеть Чулпан и поговорить с ней. Ты отец, будешь стоять недалеко и видеть все.

– Зачем тебе моя дочь, Али?

– Я хочу спросить ее при тебе и при моих товарищах, пойдет ли она замуж за меня?

– Ты опоздал, Али. Чулпан уже сосватана и выдана замуж за одного именитого человека. Слава Аллаху! – и огладил свою бороду левой рукой, не оставляя камчи.

– Ты лжешь, Абдула! – воскликнул Али и вскинул винтовку.

– Аллах свидетель! В моих словах одна правда. Убьешь меня, тебе отомстят, – ответил Абдула и вытянул револьвер из-за пазухи.

– Где теперь живет Чулпан? В каком она ауле или городе, отвечай! Иначе сожгу твой дом! – закричал Али, в голову которого от волнения ударила кровь.

– Ступай отсюда, красный аскер! Не услышишь от меня более ни единого слова! Иншаллах! – произнес Абдула и, развернувшись, твердо пошел в дом.

Али скрипнул зубами, влетел в седло.

– Ну, погодите же, белые сволочи! Я еще весь ваш аул поставлю на дыбы! – прокричал он и огрел плетью коня.

Кривые улочки тихого степного башкирского аула огласил топот копыт. Три всадника оставили его, кони унесли их в степь – на северо-запад, в Красную армию.

* * *

Вновь весна утвердилась в степи. Тянул южный ветерок. Вечернее солнце бросало прощальные, теплые ласковые блики на лица людей, тускло поблескивало на стволах орудий, сияло на гранях примкнутых штыков. Офицеры обосновались на биваке у костерка, под открытым небом. Небольшой котел с картошкой булькал кипящей водой, закипал на откры-

том огне. Пили самогон, обмывали звездочки Космина и еще двух произведенных офицеров артиллерийских батарей дроздовской дивизии. Навестить и поздравить Кирилла приехал Петя Усачев.

– А что, господа, броневики, бронепоезда, танки, аэропланы, аэростаты – яркая страница современной войны и прогресса, – рассуждал подвыпивший командир 2-й батареи Лукин.

– Да, сложно представить, что ожидает человечество в грядущих войнах, – промолвил Космин в задумчивости. – Ведь войны не прекратятся почти до Страшного Суда, как свидетельствует Библия, – добавил он негромко.

– Отчего же сложно представить? Скорее наоборот. Грядущее человечество будет воевать, и войска будут уничтожать противника, не сближаясь с ним в штыковых или в кавалерийских сшибках, с расстояния в десятки, сотни верст. Будут изобретены и опробованы новые артиллерийские системы, аэропланы, танки и ракеты, наконец. Господа, вы слышали о ракетах? – стал рассказывать представленный к званию молодой поручик Константинов из 1-й батареи.

– Ракетницы? Неоднократно видели на германской войне, – отвечал Лукин. – Это сигнальная система.

– Нет, господа, ракеты – это оружие, которое уже применяли в русской армии в прошлом веке. Его применяли неоднократно и успешно. Но оно дорогостоящее, – отметил молодой поручик.

– Уж не знаю о ракетах, хотя рассказывали в юнкерском училище... но, господа, животрепещущим делом нашей российской внутренней войны, как ее именуют, «гражданской», становится и далее, поверьте мне, все сильнее будет сказываться дело применения кавалерии, а еще точнее – конницы, – отметил Лукин.

– Помилуйте, господин штабс-капитан! Донская казачья конно-кавалерийская (по своему основному составу) армия разгромлена пулеметами, артиллерией, броневиками и бронепоездами красных, – с удивлением и упреком произнес Усачев и поерзал, сидя на кавалерийском седле, положенном на землю. – Поэтому думаю, что наш успех будет в значительной степени зависеть от военно-технической помощи союзников по Антанте.

– Да-с, поручик. Но, поверьте, скоро красные сами используют многовековой опыт казаков. А тут еще и современная армия анархистов этого Махно из Гуляйполя. Вы слышали о тачанках? Ведь это же надо догадаться пулемет «максим» укрепить на легкой четырехколесной повозке. В тачанку запрягают тройку, а то и четверку коней. Пулеметы на быстрых колесах... Десять таких тачанок могут легко остановить лаву кавалерийского полка или даже бригады. Уже опробовано... – стал рассказывать Лукин.

– Невероятно! – воскликнул Усачев.

– Вообще эта наша Гражданская война ведет Россию дорогой анархии и архаизации военного дела, – отметил Космин. – Подумать только, возрождение и широкомасштабное использование кавалерии и конницы.

– Это вполне объяснимо, подпоручик, при необъятных российских территориях, большой мобильности и подвижности противоборствующих коалиций, – подметил Лукин.

– Прибавим к этому разоренную промышленность, отсутствие налаженных финансовых систем и недостаток материальных средств у всех правительств, которые существуют ныне на территории России, – отметил Константинов.

– Нас ожидает возрождение конно-кавалерийских дивизий и даже целых армий, – сказал Лукин.

Разговор еще долго вращался вокруг подобных тем, но Кирилл подсел поближе к Петру и заговорил с ним о Жене. Петя стал ему не только другом, но с некоторых пор и родным человеком. Усачев недавно опять побывал в Ростове и явно привез какие-то новости.

– Ба, дружище, да у меня к тебе письмо от нее. Совсем забыл с этой попойкой. На, читай, – с этими словами он достал из кармана новенькой гимнастерки запечатанный конверт и передал Кириллу.

В прыгающих бликах пламени костра Космин узнал почерк любимой женщины и с трудом начал читать. Разговор сослуживцев и друзей не мог отвлечь его.

– «Милый мой! Желанный, здравствуй! Петя передаст тебе это письмо, когда я с отцом уже уеду из Ростова. – Сердце у Кирилла упало, в глазах померкло. – Но ты поймешь меня, любимый. Теперь мне уже нельзя оставаться в этом городе. Слишком близко война. Раньше это было можно, но теперь нельзя, все изменилось. Думаю, ты с радостью должен принять это известие. После наших трепетных отношений, что начались между нами со Святки, я понесла. У нас будет ребенок...» – сердце у Кирилла рванулось и, казалось, чуть-чуть не выпрыгнуло из груди.

– Боже, что это!? Как это!? Я буду отцом!.. Что это? Я знаю, что значит быть сыном, братом, пасынком, кем угодно. Но быть отцом?.. – пронеслось в голове Космина.

* * *

Дальнейшая борьба без вливания свежих сил, новых подкреплений была немыслима. И здесь в сильнейшей степени начало сказываться влияние антисоветского Вешенского восстания – уже не только в отношении моральной и политической поддержки белых, но как фактор, отвлекающий значительные силы красных с Южного фронта. К началу мая восстание охватило громадный район. Численность восставших к концу апреля доходила до 30 тысяч бойцов при 27 пулеметах и 6 орудиях. Их действия далеко перехлестнули границы Вешенского района. Повстанцы покушались на коммуникации и линии связи красных армий, грабя обозы, нарушая железнодорожное сообщение, затрудняя управление армиями, главным образом 9-й. Наличие такого крупного и территориально, и по числу бойцов района восстания, служившего магнитом для белых, сказалось и на всем последующем ходе операций фронта.

Из-за разрозненности действий красных армий фронта и крайне слабой их моральной устойчивости Добровольческая армия начала проявлять широкую стратегическую активность и, умело маневрируя своими конными частями, всюду имела успех и укрепляла свое положение. Весной 1919 года перед белым командованием вновь встал все тот же вопрос: куда и где наносить главный удар? Положение, которое заняла 10-я армия красных на Маныче, заставляло белых невольно принимать все меры для противостояния ее угрозе с северо-востока. И это тоже заостряло вопрос о направлении главного удара, и еще сеяло великие сомнения в стане белых. В этом вопросе столкнулись точки зрения двух самых крупных лидеров Белого движения – Деникина и Врангеля. Эти разногласия, возникшие вначале на принципиальной почве, скоро перешли в чисто личные, неприязненные, а затем и прямо враждебные отношения, которые в дальнейшем вылились в борьбу за власть, а затем решили судьбу Белого движения.

Генерал Врангель, к тому времени командующий Добровольческой армией, которому был подчинен Май-Маевский, считал единственно правильным и главнейшим направлением на Царицын, имея в виду установление связи с Колчаком. Для этого он не останавливался перед сдачей красным каменноугольного Донецкого района, в котором, по его мнению, белым все равно было не удержаться. Всю Добровольческую армию, по мнению Врангеля, следовало перебросить на Царицынское направление и, прикрываясь Доном, вести наступление ее силами.

«КОМАНДУЮЩИЙ КАВКАЗСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИЕЙ

4 апреля 1919 года

№ 82

город Екатеринодар

СЕКРЕТНО

*Главнокомандующему Вооруженными Силами
на Юге России*

Рапорт

Прибыв в Екатеринодар после болезни и подробно ознакомившись с обстановкой, долгом службы считаю высказать следующие мои соображения.

1. Главнейшим и единственным нашим операционным направлением, полагаю, должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией адмирала Колчака.

2. При огромном превосходстве сил противника действия одновременно по нескольким операционным направлениям невозможны.

3. После неудачной нашей операции на Луганском направлении мы на правом берегу Дона вот уже около двух месяцев лишь затыкаем дыры, теряя людей и убивая в них уверенность в своих силах.

4. В ближайшем месяце на севере и востоке России наступает распутица, и, вопреки провокационному заявлению Троцкого о необходимости перебрасывать силы против армии адмирала Колчака, операции на этом фронте должны приостановиться и противник получит возможность перебросить часть сил на юг. Используя превосходство сил, противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создастся угроза нашей базе.

5. Необходимо вырвать, наконец, в наши руки инициативу и нанести противнику решительный удар в наиболее чувствительном для него направлении.

На основании вышеизложенных соображений полагал бы необходимым, отказавшись от активных операций на правом берегу Дона, ограничиться здесь лишь удержанием линии устье Миуса – станица Гундоровская, чем прикрывается железная дорога Новочеркасск – Царицын. Сокращение фронта на 135 верст (0,4 фронта, занимаемого ныне до Гундоровской) даст возможность снять с правого берега Дона находящиеся здесь части Кавказской Добрармии, используя их для действий на главнейшем направлении. В дальнейшем, наступая правым флангом, наносить главный удар Кавказской Добрармией, действуя от Торговой вдоль железнодорожных линий на Царицын, одновременно конской массой в две-три дивизии обрушиться на степную группу противника и по разбитии ее двинуться на Черный Яр и далее по левому берегу Волги в тыл Царицына, выделив небольшую часть сил для занятия Яшкульского уезда и поднятия сочувствующего нам населения Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпит, необходимо предупредить противника и вырвать у него столь часто выпускаемую нами из рук инициативу.

Генерал-лейтенант *Врангель*».

Деникин резко возражал против этого предложения. Он считал, что донцы не смогут удержаться ни одного дня на правом берегу Дона и Красная армия получит полную возможность ударить в обнаженный фланг Донской армии. Так красные смогут выйти на Ростовское направление: «...план этот (генерала Врангеля) приводил к потере не только каменноугольного бассейна, но и правобережной части Донской области с Ростовом и Новочеркасском, к деморализации Донской армии и к подрыву духа восставших казаков Верхнедонского округа».

Далее Деникин рассуждал: «...я хотел удержать в наших руках Донецкий бассейн и северную часть Донской области по соображениям моральным (поддержание духа Донского

войска и восставших казаков), стратегическим (плацдарм для наступления кратчайшими путями к Москве) и экономическим (уголь). Я считал возможным атаковать или, по крайней мере, сковать действия четырех большевистских армий севернее Дона и одновременно разбить 10-ю армию на Царицынском направлении. А наше победоносное наступление, отвлекая большие силы и средства Советов, тем самым облегчало бы в значительной степени положение прочих белых фронтов».

Таким образом, Деникин считал очень важным остановить действия красных сил на Царицынском направлении, но он не считал возможным отказываться при этом от защиты Донбасса и Дона, которые должны были послужить ему исходными районами для наступления на Москву. Если вспомнить, что именно к этому периоду времени (вторая половина апреля 1919 года) относится развитие Уфимской операции армий Колчака, то легко понять серьезность того положения Советской власти, в котором она оказалась в результате реального взаимодействия двух фронтов контрреволюции. Но это взаимоотношение достигалось вовсе не выходом главных сил белых на Юге именно на Царицынское направление. Оно не достигалось и соединением крайних флангов Колчака и Деникина (как бы слабы или сильны они ни были). Но оно достигалось нанесением красным решающих ударов, решительных поражений, увязанных во времени с развитием успеха в овладении наиболее важными, жизненными центрами Республики Советов. На Южном фронте это были Донбасс и Орловское направление, а не Царицынское, несмотря на исключительную важность Царицына и на то значение, которое мог бы иметь захват белыми Царицына в период времени, когда наступление Колчака и Врангеля не успело выдохнуться.

Итак, Деникин остался, в общем, при своем прежнем плане действий, но начал принимать решительные меры, чтобы отвязаться от угрозы со стороны Царицына. 27 (14 по старому стилю) апреля он предложил барону Врангелю, который после выздоровления от тифа находился в Екатеринодаре, объединить командование всем Манычским фронтом. Врангель выставил условием переброску на Царицынское направление всего штаба и органов снабжения Кавказской (Добровольческой) армии. Тогда Деникин решил лично принять руководство операциями на Маныче и 1 мая (18 апреля) переехал из Екатеринодара в Тихорецкую. К 3 мая (20 апреля) сосредоточение войск Манычского фронта было закончено, и Деникин отдал директиву «разбить и отбросить противника за Маныч и Сал». А группе Улагая – развить успех, перехватив железную дорогу. 4 мая началось наступление белых, и к 8 мая 10-я армия с упорными боями отошла за Маныч.

Тем временем напор красных на северо-западе на корпус Добрармии Май-Маевского становился все отчаяннее. 8 мая (25 апреля) начальник штаба доносил, что Май-Маевский склонялся к решению об общем отходе корпуса. Генерал Врангель в тот момент указывал: «В случае полной невозможности удержать фронт отходить, прикрывая Иловайскую, в Таганрогском направлении». Деникин решил, однако, сохранить фронт и не давать директиву об отступлении.

После отхода 10-й армии за реку Маныч из войск Царицынского фронта была образована новая Кавказская армия. Во главе армии был поставлен барон Врангель (на этот раз согласно его желанию), а командиром прежней Кавказской Добровольческой армии, переименованной в Добровольческую, был назначен Май-Маевский, от которого, как пишет Деникин, «с тех пор тревожных сведений не поступало».

Между тем на фронте Донской армии 5 мая конница генерала Секретова сбила части левого фланга 8-й армии красных и прорвалась в направлении на Белое, ввиду чего командарм 8-й отдал приказ об отходе от Луганска в северо-западном направлении (на линию Белое – Желтое, ближе к станице Родаково). Части Добрармии быстро заняли Луганск.

Тем временем 9-я армия приступила к выполнению директивы командюжа от 30 апреля № 3442, согласно которой она должна была овладеть железнодорожным участком Лихая

– Зверево и выйти на фронт Гундоровская – Зверево. В течение 6–9 мая ударные группы 16-й армии и 23-й дивизии, преодолевая упорное сопротивление, с трудом продвигались в указанный им район. Там они встретили ожесточенное сопротивление и под давлением белых отошли в исходное положение. Весь комсостав наступающих групп, до командиров рот включительно, выбыл из строя. В некоторых полках осталось по 120 штыков. Белые потеснили части 8-й армии красных, бросив свою стремительную конницу через Белое на Родаково 7 мая. Это вынудило 8-ю армию к 10 мая отойти далее на север. В тот же день конница белых переправилась через Донец севернее станицы Гундоровской. В середине мая 8-я, 13-я и 2-я Украинская армии еще пытались восстановить положение на Донбассе, был даже вновь взят Луганск.

Но в тылу красных армий широкой волной разливались крестьянские и казачьи восстания. Атаман Григорьев поднял новое восстание, захватившее Елизаветград, Знаменку и Александрию. Красным предстояло неизбежное столкновение с Махно, поведение которого становилось вызывающим. По всей Украине действовали «атаманы», не признававшие никакой власти. Хотя эти восстания были ненадежной союзной силой для Деникина, но они расстраивали фронт красных армий, и главнокомандующий силами Юга решил ими воспользоваться.

Будучи, видимо, хорошо ориентирован в состоянии тылов Южного фронта через своих агентов, Деникин двинул свои армии в решительное наступление в следующих направлениях:

а) Освободившиеся части белых на Северном Кавказе после разгрома войск Каспийско-Кавказского фронта должны были выделить отряд для движения на Астрахань.

б) Кавказская армия (так были названы части, действовавшие на Царицынском направлении) получила задачу взятия Царицына.

в) Донской армии было приказано разбить Донскую группу красных войск и, наступая на линию Поворино – Лиски, очистить от красных войск север Донской области, причем, войдя в связь с восставшим Вешенским районом, армия должна была отрезать район Царицына от Поворина.

г) Наконец, Добровольческая армия имела наиболее ответственную задачу по разгрому 13-й и 8-й армий на путях к Харькову.

Таким образом, белые упреждали красные армии Южфронта в начале активных действий. Разновременность действий красных армий, попеременное проявление ими активности позволили белым широко пользоваться подвижностью своих частей и перебрасывать их на любое направление по мере возникновения надобности в этом.

Первый удар был направлен против Махно и 13-й армии. К 23 мая задача эта была выполнена. Части Махно, а за ними и 13-я армия были отброшены на запад и на северо-запад.

* * *

Кони идут шибкой рысью, катя орудия по утоптанной и уже пыльной грунтовой окольной дороге на Бахмут. Жарко и ярко заливая все своими лучами, слепя глаза, на синем небе сводит высокое солнце конца мая. Южный порывистый, теплый ветер в спину и в левый бок. Вдоль дороги тут и там пирамидальные тополя шелестят под ветром серебристо-зеленой листвой. Где-то далеко на северо-востоке, как горы, высятся пирамидальные отвалы земли, вывернутые из глубин подземных угольных шахт на Божий свет. Грохочут передки и зарядные ящики. Космин вслед за Лукиным погоняет коня, слегка пришпоривая его и понукая поводьями. 2-я батарея дроздовского артдивизиона в деле. Рядом по обочинам наметом одна вслед другой, обгоняя батарею, колоннами летят сотни кубанской конницы. Кони хра-

пят, ржут. Усатые и бородатые казаки в черкесках и бешметах, в лохматых папахах, кинжалы и шашки в серебре на поясах, лихо погоняют коней, свистят, вытягивают клинки, снимают винтовки из-за спины, передергивают затворы. Земля катится под копыта лошадей. Из-под кованых копыт пыль и ошметки земли. Пахнет дымом и гарью. Впереди горят постройки какого-то небольшого придорожного хуторка.

Разрывы снарядов слева от дороги разворачивают вспаханную землю и зреющие зелены, осыпают казаков и батарею комьями и осколками. Коня шарахаются в сторону. Рядом стонет раненый.

– Со-отня! Вертай коней вправо! За мной, рысью марш-марш! – орет подъесаул в черной черкеске и белой лохматой папахе, указывая гурдой на юго-запад.

– Батарея! Слу-ушай! Сводить коней с дороги вправо! Идти вслед коннице! – командует Лукин.

– Лошадям орудия по пашне тащить, господин штабс-капитан! – предупреждает Космин.

– Знаю, подпоручик. Дорогу-то они, верно, хорошо пристреляли, сукины дети! Научились ведь стрелять из пушек! – кричит в ответ Лукин.

– Научили, наверно, – поправляет Космин, съезжая вслед за командиром батареи с дороги.

Зреющая пшеница хлещет коней по бабкам и коленям. Тысячи лошадиных копыт топчут ее.

– Вот она, война! Ведь свои же хлеба травим! – мелькают мысли в голове Кирилла, и далекие детские воспоминания и образы родных полей, полных зреющей пшеницы в их поместье на Тамбовщине, вдруг осеняют его.

Кирилл, тряхнув головой, отгоняет воспоминания. Зреющее пшеничное поле быстро плывет и качается перед глазами. Верстах в трех севернее показываются пригородные хаты с соломенными крышами. Слева, с высот, с версту от батареи ударили пулеметы противника. Бьют по казачьей колонне, но неточно.

«Б-ба-ахх!» – рвется граната над казачьими сотнями метрах в ста от артиллеристов. Раненая казачья лошадь ржет, встает на дыбы и валится на бок, подмяв верхового. Казаки рассыпаются по полю.

– Батарея! Погоняй! Марш, марш! – орет Лукин.

– Подпоручик, головное орудие вон на тот курган! Я – смотреть, что там копаются сзади! – кричит он Космину, указывая концом нагайки на высотку метрах в ста пятидесяти северо-восточнее.

Космин прищипривает коня и скачет к головному орудию. Артиллеристы быстро разворачивают лошадей и направляют их туда, куда указывает офицер. Кирилл несется впереди. Недалеко в спеющих хлебах стоит еще разгоряченный конь под дорогим казачьим седлом. Он похрапывает, ржет, и, опуская голову, обнюхивает павшего.

– Криницын, слетай-ка, братец, туда, посмотри, живой ли! – кричит Космин заряжающему на всем скаку. – Если ранен, тащи его на батарею!

– Есть, вашбродь! Исделаем! – в ответ ему.

Ветер свистит в ушах. Конский топот. Погромыхивают передок и ящики. Свист кнута. Молотят пулеметы. Рвется граната. Вдали левее кубанцы разворачиваются в лаву и слышится:

– Урра-а-а!

Он влетает на курган. Пенсне болтается на шнурке. Бинобль к глазам. Разгоряченный конь переступает с ноги на ногу, мешает всмотреться. Кирилл похлопывает, поглаживает его по шее, по холке, успокаивает. Всматривается. С высоток бьют три пулемета, а на склоне разворачивается батарея красных.

– Расчет, быстрее установить орудие! Развернуть вот туда, на запад! Быстрее! – командует Космин.

Артиллеристы спрыгивают с коней, с передка, с лафета. Бегут, отцепляют, катят, разворачивают.

– Наводи на ту высоту! – указывает он концом кнута. – Заряжай! Наводи! Прицел 27! Нет – 28! – вновь командует Космин, вглядываясь в стекла бинокля. – Огонь!

Земля слегка дрожит под ногами. Клубится пороховой дым. Подкатывают другие орудия батареи. Лукин командует сам. Орудия бьют по высотам у города. Кирилл вглядывается в стекла бинокля. Разрывы снарядов вспахивают высоты. Два пулемета противника смолкают. Но открыла огонь его артиллерия. Снаряды рвутся по склону кургана. Вздывается вверх и сыплется земля на головы артиллеристов. Сердце стучит, молотит в груди... Артиллерийская дуэль! Космин разворачивается на север и видит, как казачья лава врывается на окраины города.

У подножия кургана встает 3-я батарея их дроздовского артдивизиона. Орудия развернуты и всеми стволами отрывают огонь по артиллерии противника. Бой идет уже около часа. Но Космину кажется, что прошло всего минут десять...

В бинокль видно, что цепи красных пытаются контратаковать в правый фланг кубанцев. В громе боя Космин зовет Лукина и показывает ему туда плетью. Командир батареи кивает головой, велит развернуть два орудия и бить по стрелковым цепям противника. Орудия развернуты и извергают огонь. Клубится пороховой дым. В воздухе завеса пыли и гари. Но в бинокль сквозь разрывы дыма и пыли видно, что красная пехота отходит. Космин снимает фуражку и вытирает высокий вспотевший лоб платком...

* * *

С потерей 1 июня красными Бахмута 13-я армия перестала представлять собой какую-либо серьезную опасность для белых в силу своего почти полного разложения, равно как и части Махно, который никогда не внушал доверия красному командованию. Белые, таким образом, получили возможность совершить крупные переброски к своему центру и на правый фланг, что и определило их дальнейшие цели на всем фронте. Несмотря на успехи, командование белых проявляло все же крайнюю осторожность в реализации планов своих операций. Обеспечив себя на левом фланге, белые, прежде чем перейти в решительное наступление на своем главном направлении (против 9-й армии), сделали все необходимое для обеспечения этой операции с правого фланга. Конница Мамонтова 21 мая заняла станцию Великокняжескую, чем вынудила 10-ю армию начать отход. Правый фланг этой армии отошел к станции Каргальской, что определило наличие разрыва протяжением около 100 верст между флангами 9-й и 10-й армий. Тогда, вводя в действие свежие силы, белое командование приступило к своей главной операции – соединению с Вешенским районом.

В ночь на 25 мая конные части генерала Секретова прорвались у Нижне-Сазонова и, отбивая все попытки перехода в контратаку со стороны 16-й дивизии красных, развили успех и последовательно заняли Дубовый, Нижний Ерохин и Гусев. Этот прорыв сопровождался крупными потерями, нарушением связи между войсковыми соединениями, разрушением управления частей Красной армии. Вдоль железной дороги Лихая – Царицын одновременно наступал 2-й Донской корпус, движению которого содействовала конница генерала Мамонтова. Части 9-й армии, неся тяжелые потери в численности и в материальной части, отходили медленно и с упорными боями. Слаженность действий отдельных частей Добrarмии и донских казаков, нарушение управления у красных, враждебное состояние ближайших тылов определили катастрофу советской власти на юге. Уже 31 мая белые заняли Миллеровскую

и Криворожий, безудержно стремясь к соединению с восставшими. Это удалось им 7 июня. Все это обусловило дальнейший общий отход всех красных армий Южного фронта.

* * *

Тем временем Антанта и Белое движение попытались завязать еще один узел в петле, стягиваемой на шее советской власти в России. На Северо-Западном направлении в Эстонии после ухода оттуда немцев под покровительством Антанты сложилась сильная группировка белых под руководством генерала Юденича. Начало его наступлению на Петроград со второй половины апреля было положено боевыми действиями союзной Юденичу финской «Олонецкой» добровольческой армии (численностью в 2 тыс. штыков) на олонецко-петровском направлении. Оттеснив части Красной армии, финны заняли Олонец и вышли к Лодейному полю. Этим они отвлекли значительные силы красных на север от Петрограда. Ввязавшись в кровопролитные бои, красные лишь в начале мая отбили Олонец обратно. Но руководство Красной армии оставило для прикрытия Олонца значительные силы.

И тут в середине мая со стороны Нарвы на Петроград перешел в наступление «Северный корпус» генерал-майора К. К. Дзержинского. Его поддержала 1-я Эстонская дивизия, действовавшая при поддержке английской эскадры и экспедиционного корпуса адмирала Коузена. Под рукой британского флотоводца было 32 вымпела с морской пехотой на борту и 12 подлодок. Южнее – на Псков – по красным ударила бригада генерал-майора Булак-Балаховича и 2-я Эстонская дивизия. В общей сложности Юденич располагал силами до 16 тыс. штыков, 41 орудием и двумя бронепоездами. В Лужской губе и Копорском заливе были высажены десанты британской морской пехоты. Прорвав оборону Западного фронта южнее Нарвы, силы Юденича овладели Псковом, Гдовом, Ямбургом. В конце мая «Северный корпус» подошел к Луге, Ропше и Гатчине. Так белые приблизились к фортам «Красная Горка» и «Серая лошадь» 11–12 июня. Но мощные тяжелые орудия береговой артиллерии молчали. Там вспыхнул мятеж балтийских матросов, не пожелавших проливать кровь за Советы.

ЦК РКП(б) срочно стягивал силы для обороны бывшей столицы империи. Совет Обороны Республики обратился к народу с воззванием «Все на защиту Петрограда». В обращении говорилось и об участии в наступлении на стороне Юденича войск Антанты, белофиннов и белоэстонцев. Этим подчеркивался национальный характер российской революции и Гражданской войны, которая все более становилась не интернациональной, а оборонительной и справедливой. Красная армия Западного фронта была значительно усилена: ее численность достигла 81 тыс. штыков, 252 орудий, 700 пулеметов. Ей придавались 8 броневиков и несколько десятков аэропланов (для ведения разведки). Кроме того, сухопутные силы поддерживались со стороны Финского залива Балтийским флотом (10 вымпелов, включая 3 линкора и 1 крейсер) и со стороны Онежского озера (24 корабля Онежской флотилии). Контрнаступление красных началось 16 июня, когда 7-я и 15-я армии под командованием Д. Н. Надежного штурмом взяли мятежные форты Балтийского флота. Атаки на хорошо вооруженные бетонные форты стоили красным большой крови. Но 21 июня после перегруппировки сил обе армии перешли в общее наступление. Первый удар нанесли севернее Петрограда – по финнам. В конце июня финны были разгромлены у реки Видлицы и отброшены к границе. Лишь в августе после затяжных, тяжелых боев были взяты Ямбург и Псков. Юденичу удалось удержать Нарвско-Гдовский плацдарм. Советы отстояли имперскую столицу – Петроград. Западный фронт временно замер.

* * *

Положение на правом фланге Красных армий Южного фронта было похоже на катастрофу. Командование красных не имело никакого реального представления о положении дел там. Распоряжение Главкома от 11 июня № 3819 оп. о присоединении к Южному фронту 12-й армии Западного и объединении действий этой армии с действиями 14-й не принесло существенных результатов. Предполагалось путем организации ударной группы из двух армий в районе Синельниково и выхода этой группы на фланг Добрармии в район Славянск – Юзово остановить наступление белых на Харьков и вывести из-под ударов 8-ю и 9-ю армии. В дальнейшем та же группа должна была продолжать наступление и вернуть Донецкий бассейн. Попытка эта не удалась с самого начала. Корпус Шкуро, нанеся крупное поражение Махно под Гуляйполем, был брошен командованием белых против 14-й армии в Екатеринославском направлении и вынудил эту армию отходить к Днепру.

Таким образом, к середине июня оба фланга и центр Южного фронта находились в состоянии безнадёжного отхода. Белые всюду теснили красных, развивая наибольший успех против 9-й армии и обеспечивая оба своих фланга. Тяжелые испытания выпали на долю 9-й армии. Мамонтовская группа 18 июня вышла уже восточнее железной дороги Поворино – Царицын и здесь, разделившись, пошла по двум направлениям: одна часть – вверх по реке Медведице, другая – в тыл Царицыну. Вторая группа Донской армии форсировала Дон у Калитвы и шла прямо на реку Хопер и по ней на Поворино. И наконец, третья группа перешла Донец у Юго-Восточной железной дороги и направилась на Воронеж, всюду тесня перед собой части 8-й армии. Окончательное поражение 9-й армии было нанесено у станции Зимняцкой, где была окружена 23-я дивизия и уничтожены 199-й и 201-й полки красных. Остатки дивизии отошли к станции Арчединской. К 23 июня вся обескровленная и потрепанная в боях 9-я армия отошла на северо-запад к линии рек Терса – Елань.

На левом фланге генерал Май-Маевский, не опасаясь за свое левое плечо, смог развить дальнейшее наступление на север. На Харьковском направлении были сосредоточены 1-й армейский корпус генерала Кутепова (лучшие добровольческие части) и Терская дивизия генерала Топоркова. Безостановочно наступая и тесня перед собой части 13-й и 8-й армий, Терская дивизия 14 июня заняла Купянск, затем, выйдя в тыл Харьковской группе красных, 23-го овладела Белгородом. А на другой день после ожесточенных боев в течение пяти часов левая колонна генерала Кутепова ворвалась в Харьков. Однако начали обнаруживаться и симптомы уклонения от выполнения основной цели – стремления на север. Увлечшись преследованием красных, части белых стихийно распространились на запад помимо воли командования. Конница Шкуро по своей инициативе заняла Екатеринослав. Да, теперь оба фланга белых армий уперлись один в Волгу, другой в Днепр, занимая пространство, которое требовало новых сил и средств для ведения дальнейших операций. На нижней Волге 10-я армия красных, с самого начала кампании предоставленная сама себе, дралась на подступах к Царицыну и только 30-го июня вынуждена была очистить город и отойти на север.

Теперь Деникин по внешним стратегическим признакам мог считать свое положение блестящим. Вся Донская область была очищена от красных. Царицын, этот стратегический камень преткновения многочисленных попыток белых, наконец был взят. В центре Донская армия стояла на подступах к Воронежу. Причем перед ее фронтом располагались слабые, мало боеспособные, измученные тяжелым отступательным маршем части красных. Харьков и вся Слободская Украина – в руках белых. Левобережная Украина также ложилась под ноги Добровольческой армии. И тогда, упоенный блестящими успехами, а главное широчайшими перспективами, генерал А. И. Деникин, сидя в Царицыне, под звон колоколов отдает свою

судьбоносную, трагическую, решающую Московскую директиву. Она датирована 20 июня старого стиля и 3 июля нового.

«...Имея конечной целью *захват* сердца России, Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов – Ртищево – Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее – Нижний Новгород – Владимир – Москва.

Теперь же направить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин – Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях:

а) Воронеж, Козлов, Рязань;

б) Новый Оскол, Елец, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлениях Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линии Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав – Брянск».

Имел ли право генерал Деникин в начале июля 1919 года ставить такие задачи своим армиям? Отдавал ли он ясный отчет себе в этом? Был ли готов ответить за это, представ перед Богом?

* * *

Громы и молнии метал Восточный фронт. При общей протяженности фронта в 940 км контрнаступление красных армий планировалось вести в полосе 220 км силами 42 тыс. штыков и сабель при 136 орудиях и 585 пулеметах. На этом участке красным противостояли силы белых числом до 23 тыс. штыков и сабель, 62 орудиях и 225 пулеметах. Ударной силой белых были отборные офицерские части генерала В. О. Каппеля. Контрнаступление началось 20–25 апреля на южном участке фронта. Войска 1-й и Туркестанской красных армий своим ударом нарушили оперативно-тактическую связь между Западной армией генерала Ханжина и Южной армейской группировкой генерала Белова у рек Самыш-Дела и Большая Кинель. С конца апреля по май красные повели против войск Колчака три последовательные операции: Бугурусланскую (командарм М. Тухачевский), Белебейскую (командарм Г. Гай) и Уфимскую (командарм М. Фрунзе). В последней важную роль играла 25-я дивизия В. Чапаева...

Много интересного и странного рассказывали про него. Говорили, что комдив «президент» высшие штабы и не признавал старшего командования. Он очень подозрительно относился к «бывшим генералам» (военспецам) и всяким «коммунистам» (ставленникам Льва Троцкого), засевшим в штабах фронта и армий. Тогда простые, малообразованные красноармейцы из крестьян и рабочих поговаривали, что «коммунисты» – враги рабоче-крестьянской власти и не уважают русскую революцию, а «большевики» – свои, за рабочих и крестьян. Троцкисты платили красноармейцам из простонародья тем же. Среди них ходило крылатое высказывание Льва Троцкого:

«Эта Красная армия – как редиска. Красная только снаружи!»

Здоровое «классовое чутье» постоянно подсказывало Чапаеву, что рядом измена. Но с теми военачальниками, которым он доверял, Василий Иванович был идеально дисциплинирован. Таковыми были его отношения с командармом Фрунзе. Его Чапаев любил беспредельно. Большое значение комдив придавал разведке и умел ценить добытые ею сведения. 18 апреля 1919 г. в руки его разведчиков попали важные документы – два оперативных приказа 7-й Уральской дивизий белых, раскрывавшие расположение ударной группировки и намерения противника. Комдив немедленно и лично передал эти сведения по прямому проводу

командующему армией. Материалы, добытые чапаевской разведкой, сыграли важную роль в окончательной выработке плана контрудара, разработанного командармом.

Сражение на Восточном фронте для 25-й дивизии завершилось победной Уфимской операцией, в которой ее полкам принадлежала главная и решающая роль. Здесь Чапаев еще раз проявил черты яркого военачальника – смелость, инициативу и необычайное упорство. В ночь с 7 на 8 июня 25-я дивизия форсировала реку Белую у деревни Красный Яр, в 20 км северо-западнее Уфы. Произведя внезапную ночную переправу передовых частей и захватив плацдарм на правом берегу реки, силы дивизии уже днем 8 июня попали в исключительно тяжелое положение. В ночь яростная гроза и молнии полыхали над Белой, разразился ливень. Утром на переправившиеся части красных навалились свежие резервы противника – до двух дивизий под руководством генерала Каппеля. Аэропланы с воздуха бомбили и расстреливали переправы красных. Чапаевские полки оказались прижатыми к берегу, отрезанными от своего тыла и лишенными подвоза боеприпасов. Поражение казалось неотвратимым. Сам командарм Фрунзе и комдив Чапаев находились в рядах бойцов и руководили боем. Раненный в голову пулей с аэроплана, Чапаев не покинул своих солдат. Тогда утром 9 июня каппелевские части провели «психическую атаку». Белые офицеры и солдаты поднимались из окопов во весь рост и в строевых порядках с развернутыми знаменами, с винтовками наперевес шли в штыковые против красных. Это устрашало. Красные, неся большие потери под пулеметным и артиллерийским огнем, свирепо оборонялись и переходили в контратаки. Мужество, выдержка и храбрость были явлены в этих боях с обеих сторон. Но красные устояли, получив большое подкрепление, они отбросили обескровленные каппелевские части от реки. К вечеру 9 июня Уфа стала советской.

Боевые заслуги Чапаева были отмечены Советом Народных Комиссаров, наградившим его орденом Красного Знамени. Имя Чапаева значилось в Приказе Реввоенсовета Республики:

«Награждается орденом „Красного знамени“ начальник 25-й стрелковой дивизии, тов. Василий Иванович Чапаев, за нижеследующие отличия.

Соорганизовав, по революционному почину, отряд, в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 г. упорно оборонял Саратовско-Николаевский район, сначала от нападения уральских казаков, а потом и чехословаков. 6 и 7 октября 1918 г., руководя отрядом (Николаевской дивизией) на подступах к Самаре, занятой чехословаками, одним из первых переправился через реку Самарку, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам Александро-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстова, что дало возможность нам овладеть Уральской областью. Назначенный начальником 25-й стрелковой дивизии, в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан; настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район. В боях под Уфой (8 июня с. г.) при форсировании р. Белой лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием гор. Уфы».

В ходе ожесточенных боев войска Красной армии нанесли серьезный урон Волжскому корпусу генерала Каппеля, разбили Западную армию, отбросив ее за реку Белую, взяли Уфу и вышли к предгорьям Урала. Затем был нанесен ряд ударов по Сибирской армии. В верховьях Дона красные смогли разгромить восстание донских казаков и оттеснить повстанцев на юг.

После взятия Уфы путь 25-й дивизии лежал на юг – в те места, где она зародилась и была сформирована. А далее на Урал-реку. Задачей дивизии было разгромить и выбить на восток белых уральских казаков.

Али Усманович Юлдубаев (как отныне стал он именоваться по фамилии в книжке красноармейца; не ходить же вечно бесфамильным, ведь Россия не Турция) был в той разведке, когда добыли важные сведения о расположении ударной группировки белых под Уфой. В ту ночь на 18 апреля взяли красные разведчики в плен белого офицера с портфелем важных бумаг и картой. Али тогда заколол кинжалом под сердце молодого казака из охраны. Потом стравило его, потерял он в темноте краденую юлдузбаевскую гурду. Но командир кавполка товарищ Елань, за отвагу и храбрость наградил, как смог, всех разведчиков. Уж очень важными были бумаги, добытые в разведке. Али же получил из рук комполка шашку с дарственной надписью и звездой, вытравленными на голомении клинка: «Красному бойцу, товарищу Юлдубаеву за храбрость и находчивость, проявленные в разведке и в боях с врагами трудового народа».

Чапаевская 25-я дивизия возвратилась на старые места и расположилась верстах в ста западнее Николаевска близ Урал-реки. Совсем рядом лежали аулы, где провел свое отрочество и юность чабан Али Юлдубаев. Командир красной башкирской сотни (эскадрона) Салим пригласил семерых своих друзей и товарищей (из числа тех, кто остался в живых, с кем почти год назад ушел в Красную армию к Чапаеву) в гости к себе в аул. Среди них был и Али.

Жаркое лето пришло в юго-восточные степи Поволжья. Затем прошли дожди и облегчили жару. Погода стояла мягкая, ясная. Солнце ласкало и не жгло. Степные травы вызревали, заколосились. И запахло полынью. Красные бойцы нагрянули в аул внезапно. Белых казаков здесь давно уже и след простыл. Как же были рады родители Салима, встречая сына и его товарищей! Коней быстро расседлали и повели к коновязи. Задали им сена и овса. Старый отец отловил в отаре и привел на веревке трех баранов, которых бойцы закололи и освежевали. Женщины сварили бешбармак, напекли душистых лепешек в тандыре, нажарили свежей рыбы из Камелика, нарвали и намыли свежего лука, чесноку, накрыли богатый достархан. Все мужчины усаживались на корточки у достархана, накрытого на большой войлочной полсти, постеленной на траве, близ двора. Женщины прислуживали. Отец Салима («Ата», как называли его бойцы) читал молитву. В знак уважения все по старому обычаю подняли руки и совершили символическое омовение лица и бороды (как того требовал намаз). Откуда-то (словно сама собой, ведь готовились к встрече красные аскеры) среди блюд появилась четверть мутноватого крепкого самогона. Стали разливать по пиалам, поставленным женщинами среди блюд как бы для чая. Ата сделал вид, что и не видит. Старикам-соседям, пришедшим из аула пообщаться с Салимом и приглашенным к достархану, предложили (из уважения), но не наливали. Хотя один, что помоложе, попросил сам и подставил чашку с широкими краями. Салим приподнялся с войлочной подстилки, встал на колени, разгладил усы и торжественно произнес:

– Выпьем, товарищи красные бойцы, за нашу революцию и за победу трудового народа!

Выпили махом, по-русски. Причмокивали и утирались пальцами по-башкирски.

– Якши! Бик якши! – промолвил Шарифулла.

За трапезой потек чинный, неспешный разговор. Ели руками (по обычаям предков), неторопливо, пользуясь только ножом. Струйки жирного, горячего бараньего бешбармака текли у мужчин между пальцев, по запястьям рук, затекали за отвернутые рукава гимнастерок и рубаш до локтя. Подбородки, бороды, усы и даже щеки – все благоухало, лоснилось и было насыщено душистым бараньим жиром. Недолго думая, угощавшиеся вновь наполнили пиалы крепким питьем, и кузнец Шарифулла произнес очередной тост:

– Выпьем, товарищи бойцы, за родителей нашего славного командира сотни! Да пошлет Аллах им здоровья и долгих лет жизни! Выпьем и за их сына – Салима! Здоровья и богатства всему их роду!

Все, кто держал пиалу, выпили по полной. Спустил еще четверть часа пили уже за командира кавполка товарища Елани. А затем и за славного комдива – товарища Чапаева. Неспешный разговор за достарханом между тем тек и тек сам собой. Али, несмотря на молодость, сидел рядом с Салимом (каждому место за трапезой по заслугам) и многое слышал из тихого разговора, происходившего между отцом и сыном.

– Как живется вам с матерью, ата, без моей помощи? Помогают ли младшие братья и сестры? Не обижает ли кто? – спрашивал с грустью захмелевший Салим, с любовью глядя на седого отца.

– Слава Аллаху, сынок. Младшие все в послушании, чтут родителей, помогают в хозяйстве. Был бы только ты жив и здоров, – отвечал отец.

– А из аула или еще кто, не обижает ли? Не позволю обижать стариков. Скажи, ата, всех управлю своей рукой и силой нашей новой власти, – вновь спрашивал все более хмелеющий Салим.

– Да и не знаю, как сказать, сынок...

– Говори, ата, не бойся никого. Твой сын – красный командир!

– Несколько дней назад, сынок, вез я на нашем возу дрова из дальней рощи, что у Камелика. Дорогу-то местами развезло – дожди прошли. И степью не проедешь, раскисла степь – лучше и не съезжать. Разве что одним колесом по обочине. Потому впряг я двух быков. Воз нагрузил дровами хорошо. Чего зря быков гонять. Но задремал в пути, устал сильно. И затащили повозку наши быки в самую что ни есть непролазную грязь. Долго я бился, чтоб кое-как из этой грязи воз вытащить. Сам весь в той грязи извозился... Только чуть выбрался на сухое место, а тут навстречу мне летит легкая четырехколесная повозка с пулеметом. Забыл, как называется она по-русски...

– Тачанка, ата, – негромко подсказал Али.

– Да, верно. На тачанке трое. А рядом скачет верхом какой-то, похожий на казака. Усы у него черные, папах, бурка на плечах, сабля на боку, нагайка в руках. Катится эта повозка быстро, только лужи расплескиваются и грязь из-под колес да из-под конских копыт разлетается в разные стороны. Слышу, те, что на повозке, уже издали кричат мне, ругаются по-русски, чтобы я воз с дороги убрал. А я куда воз-то дену? Только что из грязи сам выбрался, и опять в грязь? Ну, сделал я вид, что пытаюсь с дороги свернуть, а быки не идут. Тут эта повозка с ходу и врезалась передней осью в мой воз. Правда, крепкая ось у них оказалась, колесо не слетело. Но тачанка эта зацепилась за мой воз. Те, что на тачанке, попрыгали вниз, чтобы ее от моего воза отцепить. А тот верховой – казак подлетел ко мне, выругал и как начал меня нагайкой хлестать по спине, по плечам. Благо на мне теплая телогрейка была. Но местами досталось, и до сего дня спина болит, – рассказывал старый отец Салима, поводя плечами и указывая большим пальцем правой руки на посеченную спину.

– Эх, отец, узнаю, кто такой тот казак, или покажешь мне, несдобровать ему! – угрожающе произнес хмельной Салим.

Женщины стали разливать старикам крепкий чай по пиалам. Принесли сахар и шербет. Старшие, утирая руки и бороды от бараньего жира мягкими полотенцами, принимали дымившиеся пиалы. Дули, отпивая маленькими глотками.

– А как воюете, красные батыры? Много ли у вас конницы, много ли ружей, пушек и иного оружия? – спрашивал между тем у гордого и сильно опьяневшего Шарифуллы один из соседей Салима, что пил самогон вместе с гостями.

– У нас не конница, а кавалерийский полк! Конница – это у казаков. А у них-то – у белых – и хороших командиров не сыщешь. А у нас и командиры – все батыры! И оружие лучше, и пулеметов больше, и пушек, и автомобили и самолеты есть, – хвастался Шарифулла.

– Э-э, зачем неправда сказаь? Белый казак много карош енерал есть. Кулчак курбаши – якши енерал! – пытаюсь говорить по-русски и выказывая этим знание предмета, произнес один из пожилых соседей Салима. Он покачал головой и подул на горячий чай в пиале.

– Нет, уважаемый Ильяс-ака, – сдержанно, но все же с долей раздражения и упрямства вмешался в разговор Салим. – Лучше командиров, чем в Красной армии, не сыщете!

– Командарм Фрунзе – великий курбаши! Он белых под Уфой разбил. Там наша дивизия впереди всей армии шла. А почему? Да потому, что комдив наш – сам Чапаев. Слышали о нем, ака? – с задором сказал Али.

– Чапай-кизылбаши?! Наслышаны многие о нем, – отвечал Ильяс-ака.

– Этот Чапай новый мост над Камеликом порушил. А какой хороший мост был! В Николаевск ездить удобно было, – сказал один из стариков.

– Да не порушил он его, а взорвал, чтобы белые реку не перешли, – вставил Шарифулла. – Зато теперь сюда казаки не сунутся. А мост советская власть построит, еще лучше прежнего.

– Наш сосед Шамиль был в соседнем ауле – за Камеликом. Видел, как Чапай на коне в тот аул входил. Как вошел, все мужчины и старики в погреба попрятались, а женщины и дети на кровли домов и сараев залезли, – стал рассказывать отец Салима.

– Зачем, ата? – с удивлением спросил Салим.

– Как увидит кого на улице Чапай или нукеры его, налетают, и ну плетьюми сечь, – произнес Ильяс-ака.

– Зачем плетьюми? Не пойму, – спросил Али.

– Чтоб не мешали ему. Злой очень, – отвечал старый седой Ильяс.

Долго еще продолжался разговор между трезвыми стариками аула и хмельными красными бойцами-башкирами. Но постепенно крепкий самогон выключал из разговора одного батыра за другим. Кто мог, отползал с подстилки и от достархана куда-нибудь под воз или на сено. Женщины приносили подушку и накидку тем, кто не смог встать. Смеркалось. Старики благодарили за угощение отца Салима. Ата прочел благодарственную молитву. Соседи степенно расходились по домам, покачивая головами, сдержанно осуждая хмельных, одурманенных самогоном красных батыров за нарушение вековых законов Адата и Шариата.

Через день утром, когда Салим со своими друзьями уже собирался возвращаться из краткосрочного отпуска в дивизию, в родной его аул влетела тачанка в сопровождении лихого черноусого всадника в папахе и в бурке. Точнее, тачанка сопровождала его, а не он тачанку. Местное аульское население в испуге стало прятаться кто куда. Старый отец Салима, выгонявший скот на выпас, в испуге прибежал домой и рассказал сыну о том, что увидел своего обидчика. Схватив винтовку и передернув затвор, Салим выбежал на двор, скликая товарищей. Али первый последовал за своим командиром, вытягивая шашку из ножен. Всадник в бурке и тачанка неспешно проезжали недалеко от дома по улице. Салим уже приложил было винтовку к плечу и готов был выпустить пулю в голову всадника, как вдруг замер. В изумлении замерли и все соратники Салима.

Всадник остановил коня, заметив оживание возле дома, и, указывая нагайкой, приказал развернуть туда пулемет на тачанке. Затем увидел, что во дворе бойцы с красными звездами и лентами на головных уборах, и произнес громко:

– Вижу! Молодцы, не спите. Хвалю за революционную бдительность!

В это время старый отец, вышедший из дома, тихонько дернул сзади сына за рукав и негромко сказал Салиму:

– Вот он – мой обидчик, сынок. Усатый, в папахе. Он меня нагайкой отходил.
– Молчи, отец... Это и есть сам комдив Чапаев, – негромко отвечал Салим, опуская оружие.

* * *

Вооруженные силы Юга России

Действовавшие против Южного фронта силы белых армий организационно и политически разделялись на армии – Донскую, Кубанскую (Кавказскую) и Добровольческую. Все три имели свою обособленную организацию и свои характерные черты.

Донская армия. Донская армия первой поднялась против революционных войск, а затем и Красной армии. В конце 1918 г. она в основном одна вела борьбу с армиями Южного фронта. Зарождение этой армии можно отнести еще к концу 1917-го, когда генерал Каледин снимал казачьи части с австро-германского фронта и сосредоточивал их на границах с Великороссией. К началу июля 1918 г. ему удалось собрать в своих руках более 10 казачьих полков с артиллерией. Последовательным развертыванием сил Донская армия, пользуясь германской ориентацией генерала Краснова, под прикрытием и надежным обеспечением германских оккупационных войск к середине лета 1918 года достигла численности в 46–50 тысяч бойцов при 272 пулеметах и 92 орудиях, в их числе было около 26 тысяч конницы. Организационно силы Донармии сводились к 30 пехотным и 60 кавалерийским полкам. По соглашению, заключенному 8 января 1919 года на станции Торговая между Деникиным и Красновым, Донармия вошла в состав вооруженных сил Юга России, и Деникин встал во главе этих сил.

Эта армия по своему составу и сущности отражала старые социальные противоречия Донской области. Идеология «домовитых» казаков определяла собой и состав этой армии. Однако наличие в области «иностранцев» нарушало эту однородность армии, а потому Донармия не всегда обладала одинаковой устойчивостью.

Полки Донармии сводились в четырехполковые дивизии (конные) с одной конно-саперной сотней и двумя батареями конного артиллерийского дивизиона. 5–6 дивизий составляли корпус, входящий в состав армии. Донских армий сначала было три, но к лету 1919 года они были сведены в одну составе 5–8 корпусов. Армия комплектовалась частными мобилизациями казаков и иностранцев Донской области, причем эти мобилизации проходили всякий раз с большим трудом. Казаки шли в армию охотнее всего в периоды подъема и развивающихся успехов на фронте. Общее настроение призванных бывало далеко не воинственным. Показателем этого являются многочисленные наказания и приговоры о невводе частей Красной армии в пределы Донской области с обещаниями, в свою очередь, не переступать свои границы. Эти настроения, с неясными симпатиями к Советам, наблюдались и у довольно широкого слоя казачьего офицерства. В силу этого в январе и феврале 1919-го казачество целыми полками сдавалось и переходило на сторону красных. Так, 31 января в районе станицы Алексеевской на участке 15-й дивизии РККА сдались добровольно в полном составе 23-й, 24-й, 26-й, 27-й и 39-й казачьи полки с 5 орудиями и 6 тысячами снарядами. А в начале января в районе станицы Вешенской вспыхнуло восстание в пользу Советской России, разлившееся по всему Хоперскому округу.

Командные кадры Донской армии имели далеко не полный состав, но были на высоте положения в отношении предварительной подготовки. Для пополнения своих знаний большинство офицеров проходило краткие курсы обучения на созданных повторных курсах.

Кубанская армия. Зарождение ее началось в самом начале 1918 года, параллельно с возникновением идеи «самостийности» Кубани. Кубанские казаки уже с первых дней противостояния с Советами вливались в Добровольческую армию, и, кроме того, кубанскими

казаками пополнялись ряды добровольческих частей. Поэтому Кубань не получила своей армии, как это было на Дону, что отразилось и на судьбах кубанского казачества.

Организационно кубанские части строились так же, как и донские. К маю 1918 года в состав Добровольческой армии входили кубанские части: сводная горская дивизия, отдельная дивизия, Кубанский корпус, 1-й конный корпус. Как и донские части, Кубанская армия была преимущественно конная. Однако сравнительно с Донской армией кубанские части отличались высокой боеспособностью и стойкостью, главным образом благодаря обилию офицерского состава, имевшего к тому же высокий уровень знаний, подготовки и опыта.

Добровольческая армия. Зарождение этого оплота Белого дела относится еще к ноябрю 1917 года, когда офицерство, лишенное погон и командных должностей, стало перед дилеммой: за или против советской власти. Значительная часть склонилась ко второму решению, но далеко не вся эта часть решила активно бороться с оружием в руках. Пресса и литература Белого движения свидетельствуют о том, что многочисленные группы офицерства предпочитали торговать газетами и в магазинах, прислуживать в ресторанах, заниматься спекуляцией, но не драться ни на той, ни на другой стороне. Стягивание офицерства на Дон началось с конца 1917 года. Офицерство прибывало в Новочеркасск небольшими группами. К концу ноября туда собралось около 200 человек офицеров. Первым их «делом» было нападение на части красного Новочеркасского гарнизона – от которого казачьи части решительно отказались. Уже 26 декабря 1917 года был предпринят налет на Ростов – первое кровавое «дело». Докладывая об этом войсковому кругу, прославленный своим спокойствием и «мягкосердечием» атаман Каледин заявил: «Страшно пролить первую кровь».

Надо, однако, отметить, что все эти выступления добровольцев отнюдь не встречали одобрения со стороны небогатой части казачества. По свидетельствам белых, некоторые комитеты казачьих полков высказывались, что они «порицают выступление буржуазного генерала Каледина и приветствуют товарищей солдат, крестьян, рабочих и матросов, борющихся с буржуазией». Подобное положение вынуждало добровольцев существовать нелегально. Съезд иногородних 8 января 1918 года прямо потребовал «разоружения и роспуска Добрармии, борющейся против наступающего войска революционной демократии».

«Цвет русской армии» – Деникин, Корнилов, Лукомский и другие генералы – прибыли в Новочеркасск еще 6 декабря 1917 года. Тогда сформировался штаб и выделились части: Георгиевский полк, Офицерский батальон, Корниловский полк и ряд других. 27 декабря Добровольческая армия объявила во всеуслышание о своем существовании, выпустила ряд деклараций, в которых объявляла себя «внепартийной» и «внеклассовой». Тогда же были определены цели: верность союзникам, единство и целостность России, борьба с большевиками, борьба за Учредительное собрание. В половине января 1918 года в армии было уже около 4–5 тысяч бойцов. Начало германской оккупации части Донской области заставило Добровольческую армию (2 тысячи 500 человек) пробираться на Кубань. Поход этот, названный белыми «ледяным» и «жестоким», был действительно не из легких, ибо значительная часть крестьянства Кубани встретила офицерские отряды в штыки. У станции Калужской произошло соединение с Кубанским отрядом (около 2 тысяч человек). Попытка в конце марта совместными усилиями занять Екатеринодар не удалась, и армия, уже под командованием Деникина (Корнилов был убит 31 марта), перешла к границам Ставропольской губернии. Далее следовал период занятия Кубани и борьба на Северном Кавказе против разрозненных отрядов революционных войск.

Осенью 1918 года Добрармия была уже развернута в 4 дивизии и достигала численности 8 тысяч штыков, 1300 сабель, 12 легких и 5 тяжелых орудий. К началу лета, имея общую численность 15 000 штыков и 2500 сабель, Добровольческая армия строилась по следующей схеме: все дивизии, и конные, и пешие – четырехполковые с артдивизионами из 3 легких четырехорудийных батарей и одной инженерной ротой. Корпуса имели свою корпусную

тяжелую и гаубичную артиллерию в количестве 5–6 батарей. Кроме того, каждая дивизия имела один запасный батальон, а каждый пехотный полк – одну запасную роту, куда поступало приходящее пополнение для двух-трехнедельного обучения.

В первые периоды своего существования Добровольческая армия в большинстве своем состояла из добровольцев-офицеров. В дальнейшем она перестала быть «добровольческой» с маленькой буквы, ибо пополнение ее шло за счет обычных контингентов призванных. Однако во все периоды своей боевой жизни она всегда имела огромные кадры офицерства в своих рядах. Исключение представлял лишь «орловский период», когда значительный рост Добрармии за счет бывших красноармейцев нарушил традиционное соотношение и еще более резко изменил ее социальное лицо.

Сам Деникин писал по этому поводу: «Название „добровольческой“ армии сохраняли уже только по традиции. Ибо к правильной мобилизации было приступлено в кубанских казачьих частях с весны, а в регулярных – со 2 августа 1918 года. При последовательных мобилизациях этого года подняли на Северном Кавказе десять возрастных классов (призыва 1910–1920 гг.), в Приазовском крае – пока два (1917, 1918 и частью 1915, 1916 гг.), в Крыму один (1918 г.)... По приблизительным подсчетам, цифра уклонившихся для Северного Кавказа определялась в 20–30 %. Мобилизованные поступали в запасные части, где подвергались краткому обучению, или – в силу самоуправства войсковых частей – в большом числе непосредственно в их ряды. Число прошедших через армейский приемник в 1918 г. определялось в 33 тысячи человек. К концу 1918 г. был использован широко другой источник пополнения – пленные красноармейцы, уже многими тысячами начавшие поступать в армию обоими этими путями. Весь этот новый элемент, вливавшийся в добровольческие кадры, давал им и силу, и слабость. Увеличивались ряды, но тускнел облик и расслаивались монолитные ряды старого добровольчества... И дезертирство на фронте значительно увеличивалось».

Ниже Деникин говорил, что «основные добровольческие части успели переплавить весь разнородный элемент в горниле своих боевых традиций, и по общему отзыву начальников мобилизованные солдаты *вне своих губерний* в большинстве дрались доблестно». Остается добавить, что господствующее настроение контингента офицерства было в огромном большинстве случаев монархическое. Об этом свидетельствуют многочисленные записки белых же литераторов и историков. Генерал Лукомский в своих «Воспоминаниях» указывал: «...в 1918 и 1919 гг. провозглашение монархического лозунга не могло встретить сочувствия не только среди интеллигенции, но и среди крестьян и рабочей массы». И далее: «...провозглашение же республиканских лозунгов не дало бы возможности сформировать мало-мальски приличию армию, так как кадровое офицерство, испытывавшее на себе все прелести революционного режима, за ними не пошло бы».

Отсюда вполне оправданный исторической действительностью вывод о том, что лозунг борьбы за Учредительное собрание был только попыткой выдвинуть компромиссное для правых и левых групп Белого движения решение и что за ним гнездились неподдельные монархические чаяния.

Стратегия и тактика Добровольческой армии, равно как и обучение в ней, полностью вытекали из опыта царской армии, однако, надо признать, с учетом особенностей борьбы (особенно в первые периоды) на широких фронтах и с учетом особенностей Гражданской войны. Этому, впрочем, соответствовали и естественные условия: Дон и Кубань – базы комплектования армии конными частями – были в руках у белых и на стороне белых, и наличие в руках главного командования вооруженными силами Юга России крупных кавалерийских масс, чего не было у красных, давало первому несравнимое преимущество в отношении использования обширных пространств театра, маневренности и стремительности ударов.

В отношении снабжения армии указывалось на создание державами Антанты военно-экономического базиса для Деникина. Конкретно это выражалось в присылке Англией (Франция приняла на себя 50 % стоимости всего привезенного Англией) предметов вооружения, снаряжения, боевых припасов, инженерного и авиационного имущества и обмундирования по расчету на 250 тысяч человек. Если принять во внимание, что все белые армии Юга России по своей численности не достигали 150 тысяч, то, даже учитывая значительную текучесть армии (дезертиры, пленные, больные, раненые и убитые), все же снабжение армий Юга России можно считать вполне удовлетворительным. Однако... с «небольшой» оговоркой. Эта оговорка состоит в том, что в белых армиях по части, как выражается генерал Лукомский, злоупотреблений дело обстояло далеко не благополучно, и частично запасы обмундирования, поступавшие от Англии и разгружавшиеся в Новороссийском порту, оказывались неведомыми путями на местных «барахолках».

Вторым источником снабжения были самозаготовка войсковых частей и захват ими «военной добычи». Однако и здесь дело обстояло явно неблагополучно. Вместо планового заготовления и распределения с учетом войсковых нужд практиковался простой грабеж отдельными войсковыми частями, которые предпочитали все награбленное оставлять у себя, но не отправлять его куда-то в тыл. При этом элемент личного обогащения также играл колоссальную роль. А. И. Деникин следующим образом характеризует состояние снабжения: «Главным источником снабжения до февраля 1919 г. были захватываемые большевистские запасы. При этом войска, не доверяя реакционным комиссиям, старались использовать захваченное для своих нужд без плана и системы. Часть запасов намечалась с бывшего Румынского фронта. Все это было случайно и недостаточно. В ноябре, к приходу союзников, официальный отчет штаба рисовал такую картину нашего снабжения.

Недостаток ружейных патронов принимал не раз катастрофические размеры... такое же положение было с артиллерийскими патронами: к 1 ноября весь запас армейского склада состоял из 7200 легких, 1520 горных, 2770 гаубичных и 220 тяжелых снарядов. Обмундирование – одни обноски. Санитарное снабжение можно считать несуществующим...

С начала 1919 года, после ухода немцев из Закавказья, нам удалось получить несколько транспортов артиллерийских и инженерных грузов из складов Батума, Карса, Трапезунда. А с февраля начался подвоз английского снабжения. Недостаток в боевом снабжении с тех пор мы испытывали редко. С марта по сентябрь 1919 г. мы получили от англичан 558 орудий, 12 танков, 1 685 522 снаряда и 160 млн ружейных патронов. Санитарная часть улучшилась. Обмундирование же и снаряжение хотя и поступало в размерах больших, но далеко не удовлетворяющих потребности фронтов (в тот же период мы получили 250 тысяч комплектов). Оно, кроме того, понемногу расхищалось на базе, невзирая на установление смертной казни за кражу предметов казенного вооружения и обмундирования, таяло в пути и, поступив, наконец, на фронт, пропадало во множестве, уносилось больными, ранеными, посыльными и дезертирами...»

Деникин обращает при этом внимание на тот замечательный факт, что всякого рода хищения военного имущества и распродажи его встречали безразличное, а часто и покровительственное отношение в «обществе».

Сравнение этих трех систем белых войсковых организаций приводит к следующим заключениям:

а) Белая армия формировалась и строилась по социальному признаку. В ее рядах в основном сражались представители помещиков, дворян, буржуазии, консервативной интеллигенции, крестьян-кулаков, зажиточной и средней части казачества (Дон и Кубань).

б) В области политических целей борьбы имелись серьезные разногласия. Добровольческая армия, рассматривая себя как организацию общегосударственного характера, ставила целью борьбу с большевизмом до полного его уничтожения (это мыслилось с захватом

Москвы). Дон и Кубань таких широких намерений не питали. Их стремления ограничивались обеспечением суверенитета и самостоятельности собственной государственности на основах хотя бы договоренности с большевиками. Такие мало согласованные друг с другом ориентации делали существование этих трех систем в рамках одного режима порой конфликтным, сложным, требующим постоянного посредничества.

* * *

В течение весны и начала лета 1919 года войскам генерала Деникина удалось овладеть хлеботорговыми районами Северного Кавказа и Украины, важными топливно-металлургическими центрами на юге России. Южный фронт выгнулся огромной дугой, упиравшейся на востоке в Каспийское, а на западе, восточнее Херсона, – в Черное море. Белые армии Южного фронта вышли на стратегический рубеж: Царицын, Балашов, Харьков, Полтава. Успехи Добровольческой, Донской и Кавказской (образованной в апреле 1919 года) армий объяснялись во многом благоприятными для белых факторами. Местные органы советской власти, как правило, вели грабительскую политику изъятия «излишков» пшеницы и другого продовольствия у сельского населения, чем вызвали недовольство и мятежи среднего крестьянства и казачества Южного Поволжья, Дона и Новороссии. Большая часть крестьян уклонялась от военной службы в Красной Армии или дезертировала из ее рядов.

Однако достижение новых успехов было невозможно без притока свежих сил. Поэтому генерал Деникин перешел к широкой мобилизации в армию молодежи на занятой территории. В результате вооруженные силы Юга России в июле 1919 года достигли небывалой в то время численности – 104,2 тыс. штыков, 56 тыс. сабель, 34 бронепоездов, около 600 орудий, 19 аэропланов, свыше 1500 пулеметов. По руслу рек, впадающих в Черное море, вверх по течению, двигались вооруженные пароходы с пушками и пулеметами. Огнем палубной артиллерии и пулеметным смерчем они прикрывали с флангов части белых армий, дравшиеся против красных близ берегов Дона, Донца и Днепра. Со стороны Черного моря эти силы прикрывал флот Юга России – 1 крейсер и 5 эсминцев. Но меры, позволившие увеличить численность белых армий, таили в себе и угрозу. Лишь до тех пор, пока их социальный состав был более-менее однороден, пока они состояли из добровольцев и казачества, их ряды были крепки и высоко боеспособны.

Июль месяц проходил в подготовке белых армий к исполнению Московской Директивы. Красные армии пассивно отходили. На Екатеринославском направлении конные части генерала Шкуро, действуя небольшими отрядами, стремились к Киеву и перешли Днепр...

Командование РККА и советское руководство били тревогу. Не ослабляя натиска на восток против армий адмирала Колчака, они развернули активную организаторскую и пропагандистскую работу по мобилизации сил на отпор Деникину. Уже в конце июля на Южном фронте против сил Юга России было сосредоточено около 165 штыков и сабель и 611 орудий. Согласно директиве главкома Красной Армии С. С. Каменева от 23 июля намечался переход в контрнаступление. Главный удар предполагалось нанести 9-й и 10-й армиями левого крыла фронта по правому крылу армий Деникина (Кавказской и Донской армиям) из района юго-западнее Саратова в направлении Царицына. В состав ударной группировки включался вновь сформированный Конный корпус С. М. Буденного. Общее командование этой группировкой было возложено на командарма В. И. Шорина. Вспомогательный удар должны были наносить правифланговые 8-я и 13-я армии под общим командованием командарма В. И. Селивачева. Задача этой группировки заключалась в нанесении удара из района южнее Курска и Воронежа на Купянск, чтобы изолировать друг от друга Добровольческую и Донскую армии, а затем прорваться в их тылы. Однако контрнаступление готовилось в спешке. Силы красных не были собраны в кулак, и между их соединениями не было взаимодействия. Дени-

кин получил от своей разведки важные данные о готовящемся контрнаступлении и состоянии войск Красной армии на Южном фронте. Он и предпринял упреждающий удар...

* * *

Космин долго бродил по улицам многолюдного, облитого июльским солнцем и жарой, пыльного Ростова. Одиночество снедало его душу. На знакомых улицах он с болью и любовью вспоминал бурные события последних лет своей жизни. Пред его мысленным взором пробежали картины взятия этого большого и красивого города стрелковой добровольческой бригадой дроздовцев пасхальной ночью прошлого года, знакомство с семьей Усачевых, отступление и взятие Новочеркасска. Затем Космин вспомнил города Приазовья, море, покрывшее его своим величием и великолепием. Вспомнил сослуживцев и друзей по дроздовской бригаде: Пазухина, Новикова, Гаджибеклинского, Усачева и других. Ему стало легче на душе, одиночество отступало. Что-то томительное, щемящее, вечное вошло в его сердце и душу, озарило красно-золотым не вечерним светом. Он вдруг ощутил одно из тех переживаний, которое не спутаешь ни с чем, он почувствовал, что наступает раннее прощанье с молодостью. В глубине души родилось чувство величия и значимости жизни, ее неповторимости и неизбежности. Следом перед его мысленным взором явилась Женя, прошлое Рождество, Святки.

— Боже, любимая моя, зачем ты уехала из Ростова и оставила меня? Я не успел, не застал тебя. Но ты все же права. Здесь опасно, хоть сейчас Ростов и в глубоком тылу наших армий, — пронеслись одна за другой мысли в его голове.

Ему вновь стало невыразимо тоскливо и одиноко. Он понял, что голоден, ибо, находясь в дороге, уже почти сутки не ел.

«Пойду, найду хорошую ресторацию. Деньги есть, получил немалые отпускные. Выпью и поем хорошенько», — подумал с облегчением Космин.

Он нашел приличный ресторан близ центральной площади города. Уже после двух первых стопок холодной водки ему стало полегче на душе. Кирилл закусил черным хлебом, селедочкой, украшенной нарезанным луком, салатом, сыром, заказал себе борщ и выпил еще стопку. И тут стихи сами полились из его сердца:

Кто б сказал, как юность прощается
С похмеляющей душу молодостью.
Как они потом распрощаются
С набежавшей временной холодностью.
Кто б сказал, как молодость встретится
С отрезвляющей душу зрелостью.
И как зрелость потом осветится
Беззаветной, лихою смелостью! —

полупьяно, как во сне шептали губы Кирилла...

Вечерело. Ресторация наполнялась посетителями. Офицеры помоложе шумными компаниями, а постарше — под ручку с дамами торопливо занимали столики, по-хозяйски усаживаясь на стульях. Захмелевший Кирилл с интересом рассматривал входивших, замечая опытным глазом, что боевых офицеров-фронтовиков среди присутствующих почти и нет. Все больше были штабные, лощеные, в чистых, отутюженных мундирах или в британских френчах. Только один поручик из компании за соседним столиком, с повязкой на голове, явно выделялся среди других своей полинялой офицерской гимнастеркой. Он и среди своих собутыльников держался не очень уверенно. Когда стемнело на улице, в помещение стали

заходить мужчины в штатском с шикарно одетыми дамами в брильянтах. Затем появилась группа французских матросов с русскими проститутками, что вульгарно курили, пускали дым в лицо своим ухажерам и даже негромко матерно поругивались. В зале включили неяркое электрическое освещение и зажгли сечи в бронзовых подсвечниках, расставленных на столах. Где-то в углу пианист, одетый в черный фрак, нервными пальцами пробежал по клавишам рояля. Негромко, но басовито разлились томные аккорды Шопена. Неровно горели свечи, их свет таинственно мерцал на стенах, потолках и портьерах зала. Синий папиросный и сигарный дым плавал и укутывал многочисленных посетителей. Кирилл выпил еще пару рюмок, поел и, уставившись взглядом в графин, думал о Жене. Губы его шептали стихи. Тут по столу мелькнула чья-то тень, качнулось пламя свечи от шелеста женских одежд, и кто-то, не спросив разрешения, тихо приземлился на стуле напротив. Космин поднял глаза. Нет, он даже удивился тому, что не удивился, увидев ее...

Перед ним сидела Соня. Небольшая голубая шляпка аккуратно покрывала ее голову и венчала красиво уложенные черные волосы. Легкая серебристая вуаль была чуть приспущена до уровня неярко накрашенных губ, но не могла скрыть сияния ее выразительных, томных глаз. На ней было легкое, шелковое сиреневое платье с большим декольте, довольно просторное, но подчеркивающее талию.

Несколько минут они молчали, пристально разглядывая друг друга. Она, видимо, ждала, когда он первым начнет разговор. Но Кирилл как воды в рот набрал и угрюмо смотрел на свою супругу. Только стекла пенсне слегка запотевали у переносицы.

– Ты не хочешь спросить меня ни о чем? – наконец произнесла она.

– Не хочу.

– Я так и думала, что ты служишь здесь, у Деникина. Единственно боялась, что тебя могли уже убить.

– Цел пока, как видишь.

– О, у тебя даже прибавилось звездочек на погонах! Видимо, ты хорошо сражаешься за Белое дело. В вашей армии так просто звезды с неба на погоны не падают, – с долей иронии произнесла она.

– Я защищаю Россию. А она – одна, и другой у меня нет и не будет, – без пафоса парировал он.

– Ну, полно, Россия там, где мы.

– Ошибаетесь, мадам, ибо вы и меня, и Россию уже оставили.

– Надо же встретились спустя два года, и не в Москве, а в каком-то Богом забытом Ростове, чтобы поспорить о политических проблемах российской действительности, – с долей цинизма произнесла она.

– Прекрасный город, я нашел здесь свое счастье.

– Ты женат?

– Пока да, на вас, мадам. Но мне еще предстоит расторгнуть брак с вами.

– Я не спешу! Меня устраивает твоя фамилия, – с колкой улыбкой произнесла она.

– Я надеюсь, ты не одна пришла сюда?

– Мог бы и не задавать этого вопроса.

Фортепьяно смолкло, пианист встал и раскланялся. Захмелевший офицер с повязкой на голове взял в руки гитару и негромко, красиво запел, несмотря на хохот французских моряков и их спутниц:

Август к осени в объятия торопится.

Соком полнится янтарная лоза.

Над Россией хмарь и непогодица.

Приглядитесь – это плачет Богородица,

Скрыв за тучей синие глаза.
Говорит она, что нынче в небе звезды
Расшатали гулом бронепоезда.
И летят они пылью в росы,
И свинцом врезаются в покосы.
И, упав на землю, гаснут навсегда.

Пред лицом Ее вы держитесь спокойно.
Тихо шепчете: «Даст Бог, не пропадем».
Я отвечу: «Если в август знойный,
Приняв все, что Бог ссудил, достойно,
Вслед за звездами не ляжем под огнем,
Пусть тогда под пулями сорвутся
Наши звезды с неба и с погон.
В белых ротах не найдется труса.
Абиссинскому царю-негусу
Сформируем русский легион.
Сформируем русский легион, —

задушевно тянул гитарист.

Смех французов и коготок постепенно смолк. Все внимательно слушали слова песни.
Послышалось всхлипывание — какая-то женщина плакала.

— Кто же он, твой новый избранник? — тихо спросил Кирилл.

— Видишь вон там, левее, от тебя через два столика, солидного господина, одетого в белый костюм? Он ревниво следит за нами и нервно курит, — вполголоса отвечала она, затем достала из сумочки и прикурила от свечи тонкую и длинную папиросу.

— Вижу. Да, он явно далеко не беден. И действительно ревнив, — произнес Космин, слегка прищуриваясь и поправляя пенсне.

— Да, он золотопромышленник. У него были немалые доходы, пока в Сибирь не пришла революция, а за ней и Гражданская война. Но он владеет кругленькой суммой в швейцарском банке.

— Так ты у него на содержании?

— Если так тебе угодно, то да. Надеюсь, ты не приревнуешь и не устроишь сцену, — без смущения отвечала Соня.

В стылом храме пахнет талым ладаном.
Друг мой, вспомните, что было год назад;
Бинт белел, белел, шинель была залатана,
А она была, как хмурый день заплакана,
Дым свечей туманил синие глаза.
А потом вагон, прокуренный и тесный
Вдаль увез ее, быть может, навсегда.
*Впрочем, знайте, будет вам верна невеста
Там за серой степью, за зеленым лесом
Будет ждать вас, хоть до Страшного Суда.*
Пред лицом Ее вы держитесь спокойно.
Тихо шепчете: «Даст Бог, не пропадем».
Я отвечу: «Если в август знойный,
Приняв все, что Бог ссудил, достойно,

Вслед за звездами не ляжем под огнем,
Пусть тогда под пулями сорвутся
Наши звезды с неба и с погон.
В белых ротах не найдется труса.
Абиссинскому царю-негусу
Сформируем русский легион.
Сформируем русский легион, —

негромко, но очень отчетливо, с теплом и какой-то неизъяснимой болью пел офицер с повязанной головой.

— Какой дешевый пафос, какая низкопробная проза, да и исполнение хромает, — произнесла Соня, затягиваясь ароматным дымом папиросы.

— Это ты о песне и о гитаристе?

— Ты догадлив.

— Напротив, великолепные и строгие стихи. А исполнение тонкое и задушевное, — парировал Кирилл.

— С каких это пор тебе стали нравиться подобные атавизмы?

— С тех пор, как я увидел жизнь на войне, лишившись твоих чар. Я и раньше, до тебя уже начал проникаться тем, что вижу. Но ты перевернула все и сломала мне душу...

— Да, ты неисправимо огрубел на этой войне. Как стал далек от того, каким я встретила тебя в компании офицеров и поэтов в «Приюте комедиантов» в Питере, — с сожалением и скептицизмом произнесла она.

— От жизни и войны не спрятаться под юбкой жены! — громко и вызывающе отвечал он.

— Но, как я успела понять, ты нашел другую юбку и даже увлекся ею всерьез.

— Еще бы, ты же бросила меня. Что мне оставалось делать?

— Ситуация в России такова, что я вынуждена была сделать это, пойми, Кирилл.

— Ты рассуждаешь и ведешь себя как проститутка. Правда, тебя не сравнить с этими кокотками, что сейчас сидят и пьют с французами за соседними столами. Но эти хоть просты и откровенны в своем выборе. Ты же — высокопробная, скрытая, элитная б... и выбираешь содержание высокого уровня. Как же ты забыла, что мы венчаны с тобой? Забыла, что ты — мужняя жена и должна делить со мной все радости и беды. Как ты оправдаешься за это перед Богом? — громко и с вызовом спросил Космин.

— Перед каким Богом? Наконец, прекратите ругаться и оскорблять меня, подпоручик. Иначе я уйду сейчас!

— Вы даже не понимаете, о чем я спрашиваю. Ради Бога, оставьте меня, мадам. Бегите к своему любовнику. Можете считать, что я даю вам развод! — вскрикнул Космин и ударил кулаком по столу.

Рюмка на столе подпрыгнула, покатилась, упала на пол и разбилась. А его бывшая жена так же незаметно растворилась в клубах папиросного дыма, как и появилась. А может быть, ее и не было? А может, это только привиделось изрядно выпившему Кириллу? Он заметил только, как мелькнули в просторных раскрытых дверях зала сиреневое платье и белый костюм. Вслед за тем его правая рука сжала горлышко графина с остатками водки, и он метнул стеклянный прибор в проем дверей. Графин ударился о дверной косяк и со звоном раскололся в мелкие брызги, осыпая посетителей кусочками стекла и водочной морсью.

— Хулиган! Уймите его! Немедленно позовите патруль! — истошно завопил чей-то женский голос.

* * *

В воздухе пахло полынью, тянуло прохладой и сыростью из низин. В предрассветных сумерках туманного утра 23 (10) августа 1919 года верстах в двухстах восточнее Воронежа по степным балкам от станицы Урюпинской с юго-запада на северо-восток двигались многочисленные колонны хорошо вооруженных верховых. По меньшей мере, на узком участке фронта шириной до 5 верст, плохо прикрытом отрядами красных, было собрано до 8 тысяч сабель и пеший отряд до 1000 штыков. Уже триста-четыре года не видывали эти степные места столько конницы. Узрев такое, изумился бы ветхий денми старец, историк или какой другой образованный и мудрый человек; уж не воскресла ли седая старина – те времена, когда скрытыми степными дорогами – «сакмами» пробирались по водоразделу между Доном и Днепром разорять Московскую Русь многотысячные конные крымские и ногайские орды ратных во главе со своими мурзами? Но то была лишь общая схожесть, ибо прошлое вернуть невозможно. В колоннах конницы слышалась приглушенная южнорусская речь. На дорогах рокотали автомобильные моторы. На мостах постукивали орудийные колеса, погромыхивали лафеты и снарядные ящики, клацали затворы винтовок и пулеметов. Кто-то, незаметно набив самокрутку, прикуривал, закрывая огонек ладонью, и выпускал дым сигарки в кулак или в рукав, разглаживая усы. Да, при внимательном взгляде становилось ясно, что Великую, вечную, бескрайнюю степь – Дикое Поле – уже разбудил XX век и что в набег на Московские земли идут донские казаки. Еще 7 августа донцы незаметно переправились через Хопер. А теперь тихо подходили к расположению передовых частей 8-й армии красных.

На несколько верст вперед выдвинулись отряды разведки, где служили самые доблестные и лихие донцы да калмыки, приписанные издавна к Войску Донскому. Еще только забрезжил рассвет, а уж кинжалами и шашками без криков и стрельбы сняли и покололи они малочисленные уснувшие дозоры, «секреты» боевого охранения красных. Никогда уже не вернуться домой простые русские парни с рабочих окраин Орехова-Зуева, Ликина-Дулева или Сормова, заснувшие на посту и убитые русскими казаками. А следом раскатистый свист, гиканье, топот копыт, ржание коней, просверк клинков, вытянутых из ножен на белый свет.

В ближайшем к фронту степном селе Донской корпус обрушился на крайний левый фланг 8-й армии на участке река Савола – станица Колоно. Поднятый по тревоге, но не успевший взять оружие стрелковый батальон 358-го полка 40-й дивизии был перебит почти без единого выстрела. Красных бойцов кололи пиками и секли шашками. Многие вставали на колени, просили пощады, но милости не было никому. Затем донцы ударили во фланг и прошли по тылам 358-го и 357-го полков, разметелив всех сопротивлявшихся. Заговорили винтовки и пулеметы. Полки, оставив позиции, побежали, за ними снялась и стала отступать на запад вся 40-я дивизия, бросая стрелковое оружие, пулеметы, орудия, боеприпасы, продовольствие. Донские полки разворачивались в лаву и всеором пошли гулять по тылам частей Красной армии. Несколько казачьих полков, повернув на восток, атаковали с тыла правофланговые части 9-й красной армии и смели их с позиций. Так начался рейд 4-го Донского конного корпуса под командой генерал-лейтенанта от кавалерии К. К. Мамонтова, прорвавшегося в глубокий тыл красных на стыке 8-й и 9-й армий Южного фронта. Это было переформированное, хорошо укомплектованное свежими силами соединение. В его составе находились 12-я, 13-я и сводная Донская казачьи дивизии, по четыре полка каждая, пять батарей (12 орудий), три броневики, грузовики с пулеметами на борту. Затем Мамонтов сформировал ударный кулак и ударил по Тамбову.

* * *

Рвался и трещал по швам, откатываясь к Уральскому камню, Восточный фронт. Освободив Уфу, красные вышли к его предгорьям. Нанеся серию ударов по Сибирской армии, их части к концу августа заняли Челябинск, а затем и весь Урал. Разгромленные армии Колчака отходили в Сибирь.

*Из меморандума председателя Реввоенсовета
республики Льва Троцкого:*

Время теперь такое, что большие события на Западе могут нагрянуть нескоро. Но неудача всеобщей демонстративной стачки, удушение Венгерской Республики, продолжение открытой поддержки похода на Россию – все это такие симптомы, которые говорят, что инкубационный, подготовительный период революции на Западе может длиться еще значительное время.

Это значит, что англо-французский милитаризм сохранит еще некоторую долю живучести, и наша Красная Армия на арене европейских путей мировой политики окажется довольно скромной величиной не только для наступления, но и для обороны... Иначе представляется положение, если мы встанем лицом к Востоку. Правда, разведывательные и оперативные сводки восточного фронта так общи и по существу небрежны, что я до сих пор не составил себе точного представления о том, разбили ли мы Колчака вконец или только побили его, дали ему все же возможность увести значительные силы на меридиан Омска. Во всяком случае, здесь открыты довольно широкие ворота в Азию...

Разумеется, операции на Востоке предполагают создание и укрепление могущественной базы на Урале. Эта база нам необходима во всяком случае, независимо от того, в какую сторону нам придется в течение ближайших месяцев или, может быть, лет стоять лицом – в сторону Запада или Востока. Необходимо во что бы то ни стало возродить Урал. Всю ту рабочую силу, которую мы тратили или собирались тратить на рабочие поселения в Донской области и проч., необходимо теперь сосредоточить на Урале. Туда нужно направить лучшие наши научно-технические силы, лучших организаторов и администраторов. Нужно возродить идею, которая была у нас весной прошлого года под влиянием немецкого наступления: сосредоточить промышленность на Урале и вокруг Урала... Нужно туда направить лучшие элементы Украинской партии, освободившиеся ныне «по независящим причинам» от советской работы. Если они потеряли Украину, пусть завоевывают для советской революции Сибирь. С завоеванием степных приуральских и зауральских пространств мы получаем возможность широкого формирования конницы, для которой Златоуст будет давать необходимое вооружение. Конницы нам не хватало до настоящего времени. Но если конница в маневренной гражданской войне, как показал опыт, имеет огромное значение, то роль ее в азиатских операциях представляется, бесспорно, решающей. Один серьезный военный работник предложил еще несколько месяцев тому назад план создания конного корпуса (30 000 – 40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию (британскую колонию).

Разумеется, такой план требует тщательной подготовки – как материальной, так и политической. Мы до сих пор слишком мало внимания уделяли азиатской агитации. Между тем международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Турции, Афганистана, Пенджаба и Бенгалии.

Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж советской революции во всей угнетенной Азии. Нужно использовать этот момент и сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо

дееспособнее 3-го Интернационала. Нужно сейчас же приступить к более серьезной организации в этом направлении, к сосредоточению необходимых сил, лингвистов, переводчиков книг, привлечению туземных революционеров – всеми доступными нам средствами и способами.

Разумеется, мы и ранее имели в виду необходимость содействия революции в Азии и никогда не отказывались от наступательных революционных войн. Но еще не так давно мы со значительной долей оснований все внимание, все мысли обращали на Запад... Сейчас, повторяю, положение резко изменилось, и нужно отдать себе в этом ясный отчет. Прибалтика не у нас. В Германии коммунистическое движение после первого периода бури и натиска загнано внутрь, и может быть – на долгий ряд месяцев. Поражение советской Венгрии задержит по всей вероятности, рабочую революцию в мелких странах: в Болгарии, Польше, Галиции, Румынии, на Балканах...

Во всяком случае, европейская революция как будто отодвинулась. И что уж совершенно вне сомнения – мы сами отодвинулись с запада на восток. Мы потеряли Ригу, Вильнюс, рискуем потерять Одессу, Петроград – под ударами. Мы вернули Пермь, Екатеринбург, Златоуст и Челябинск. Из этой перемены обстановки вытекает необходимость перемены ориентации. В ближайший период – подготовка «элементов» азиатской ориентации, и в частности подготовка военного удара на Индию, на помощь индусской революции (удар под дых Англии), может иметь только предварительный, подготовительный характер.

Сов. секретно.

Центральному Комитету РКП.

В дополнение к моему докладу от 5 августа считаю необходимым поставить нижеследующие вопросы.

Перемирие Афганистана с Англией, по некоторым данным, может повернуться целиком против нас. По сообщениям наших туркестанцев, Англия деятельно работает над объединением Персии, Бухары, Хивы и Афганистана против советского Туркестана... На востоке Англия пытается сейчас создать цепи государств, подобно тому, как она сделала на нашей западной окраине. Там указанная работа представляет... меньше затруднений, чем на Западе. В этом плане нам очень нужна прямая связь с Турцией, где ширится движение против оккупационных войск англо-французского милитаризма. Весь вопрос сейчас в том, кто выиграет темп.

Наше успешное продвижение на Туркестан, разрушение южной армии Колчака создает условия, при которых темп можем выиграть мы. Но отсюда вытекает, что, ведя совершенно правильную политику выжидания, приспособления, уклончивости, уступок на Западе, мы должны перейти к политике решительности и стремительности на Востоке.

Мы можем сейчас подорвать работу Англии по сплочению азиатских государств против нас, создав в Туркестане серьезную военную базу, для чего уже имеются достаточные элементы. Нужно немедленно же выбирать возможную линию удара и одно из цепи государств, которые Англия противопоставляет нам, поставить перед непосредственным ударом, предъявить ультиматум о мире, подчинить своей воле или нанести удар.

Отсюда вытекает:

1) Необходимость посылки в Туркестан и в Турцию лиц с исключительно широкими полномочиями и с инструкцией, которая дала бы гарантию того, что означенные товарищи не будут исключительствовать (дано как в тексте) на Востоке с той уже традиционной оборонительной уклончивостью, которая нам навязана на Западе.

2) Предписать Реввоенсовету Республики сосредоточить в Туркестане материальные и персональные элементы для возможного с нашей стороны наступления из Туркестана на юг.

Троцкий

20/IX-19, г. Москва.

* * *

В августе 1919 года уверенный в победе над белым казачеством Южного Урала комдив Чапаев телеграфировал главе советского правительства: «Товарищу председателю Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленину лично. Белые на Южном Урале разбиты. Идем бить черных!». Кого он имел в виду, говоря о «черных», уж не степняков-казахов ли, восставших против советской власти?

Страшной явью стал август 1919 года для Уральского казачества. Отчаянно сопротивляясь, казаки отступали под натиском превосходящих сил Красной армии. Командование РККА уделяло особое внимание Уральскому фронту, сознавая, что именно здесь Деникину и Колчаку соединиться легче всего. На юге казачьих земель около Гурьева располагались богатые нефтяные месторождения. Но уже большая часть территории казачьего войска была захвачена и разорена красными. Среди казаков свирепствовал тиф, ежедневно выкашивавший десятки бойцов, не хватало офицеров. Войско испытывало катастрофическую нехватку вооружения, обмундирования, боеприпасов, медикаментов, врачебного персонала. Отрезанным от Колчака и Деникина уральцам для сопротивления советской власти приходилось почти все необходимое добывать в бою. Красные уже оттеснили их за станицу Сахарную. Далее на востоке лежали пески низовьев Урал-реки. Казаков ждала бескормица и безводье. Еще немного, и они лишились бы коней – своей главной силы.

Для выхода из положения создавали казачий круг. Обдумав все, выслушав стариков, давших дельный совет, решили выделить отряд из лучших бойцов, который должен был тайно пройти расположение красных и проникнуть к ним глубоко в тыл, чтобы атаковать станицу Лбищенскую. Там находился штаб и склады вооружения частей РККА, формируемого Туркестанского фронта. Отряд общей численностью 1192 сабель при 9 пулеметах и 2 орудиях сформировали казаки генерала Н. Н. Бородина и полк добровольцев-крестьян соседних губерний под командованием подполковника Ф. Ф. Познякова.

Задача стояла почти невыполнимая: Лбищенскую охранял 4-тысячный отряд при большом количестве пулеметов, а днем в небе над округой парили аэропланы. Чапаевская дивизия была одной из самых моторизованных в Красной армии. В ней было столько автомобилей, что можно было оперативно перебросить целую бригаду на другой участок фронта. В дивизии было 19 броневинов и три артдивизиона. Но, чтобы взять Лбищенский штаб красных за глотку, надо было пройти незамеченными 150 верст по голой степи. В штабе Чапаева потому и чувствовали свою безопасность. В ночь с 31 августа на 1 сентября отряд казаков и добровольцев выступил в поход. Для соблюдения скрытности о кострах, горячей еде и курении пришлось забыть. Всю ночь отряд уходил как можно дальше в степи, чтобы скрыть свой маневр. Уже 1 сентября, хоронясь в камышах от красных аэропланов, пролетавших совсем рядом, казаки весь день простояли на солнцепеке в болоте. Лошадей отогнали в камыши. Тачанки и пушки забросали ветками и охапками травы, сами легли рядом, укрываясь срубленными ветками кустарника и срезанными стеблями камыша. С наступлением ночи ускоренным маршем ушли из опасного места. Уже глубокой ночью вошли в Кушумскую низину. Те, что знали эти места, вздохнули и перекрестились: «Ужо-т тута среди зарослей раки, тростника и болотцев сразу не сыщешь». На третий день пути к вечеру отряд подошел к цели, укрывшись во впадине недалеко от Лбищенской. Выслали во все стороны разъезды для разведки и захвата «языков». Так захватили у красных обоз. Один из пленных указал дом, в котором располагался комдив Чапаев. Его решили брать живым. Выделили особый взвод добровольцев. Им поставили задачу: во время приступа станицы стремительно прорваться к дому, где квартировал Чапаев, и схватить его спящим. Затем после трудного пути один

день и ночь с 4 на 5 сентября дали людям передохнуть перед делом. Командование отряда напоминало всем, что в Лбищенской находится злейший враг уральского казачества.

Чапаев, как правило, расправлявшийся с пленными казаками беспощадно, давно стал объектом мести казаков. Дважды он ускользал на тачанке из казачьих рук. Так было в октябре 1918-го и в апреле 1919-го. Но на третий раз опростоволоситься казакам было уже нельзя. В 3 часа утра 5 сентября в предрассветной мгле цепи белых партизан двинулись вперед. Разведчики без шума шашками и ножами сняли секреты и караулы, заняли окраины станицы...

В ночь на 5 сентября Али Юлдубаеву не спалось. Уж слишком тиха была та ночь! Галифе он не снимал. Поднялся с ложа, надел безрукавку, не надевая сапог, вышел во двор босиком, оправиться, но вдруг услышал тихий свист и дальний конский топот. Вся душа Али перевернулась. Всем своим азиатским нутром почувствовал он опасность. Влетев назад в хату, он взял из пирамиды свою винтовку. Служивцы по взводу крепко спали вповалку на полу и на лавках. Толкнул Салима, шепнул ему:

– Что-то неладное за околицей! Надо проверить, командир.

– Сейчас, оденусь, винт возьму и вслед за тобой. Иди, седлай, – отвечал тот.

Али вышел и быстро пошел к коновязи. Лошади тревожно фыркали, похрапывали и поводили ушами. Какое-то движение и неясный шум у южной околицы станицы ловило его чуткое ухо. Седлать ему не пришлось... Там, откуда шли звуки, полыхнуло – явно загорелась соломенная крыша одного из домов. Послышались какие-то неразборчивые крики. Сердце Али тревожно забилося. Минута-другая, и раздались первые одиночные, далекие выстрелы. Юлдубаев передернул затвор. Из дома вышел заспанный Салим.

– Слышал, стреляют? – спросил Али.

– Иди, проспись, юноша! – отвечал командир.

– Да вон, гляди, занялось! – указал Юлдубаев пальцем на пожар, полыхнувший вдали.

Салим внимательно всмотрелся. Через несколько секунд выстрелы повторились уже громче. Топот конских копыт понесся по улицам.

– Ну что, седлать, Салим?

– Нет, Юлдузбай, срочно беги к штабу. Знаешь где? Выспроси все, и назад. А я подниму людей! – громко и взволнованно произнес командир.

Али кивнул головой и прыжком, перемахнув плетень, вылетел на улицу. Во многих домах еще мирно спали. Но кое-где красноармейцы в нижнем белье стали выглядывать и выходить на улицу. Юлдубаев бежал со всех ног, не отвечая на вопросы тех, кто пытался спросить у него, что же творится в станице...

Как позже свидетельствовал есаул Фаддеев, «двор за двором, дом за домом очищали» казаки. «Сопротивлявшихся ожидала участь быть разорванным бомбой или зарубленным шашкой». В окна домов, откуда по казакам и добровольцам открывался огонь, летели гранаты. Среди красных началась паника, в одном нижнем белье выскакивали они через окна на улицу и, мечась, бежали в разные стороны, не понимая, где спасение. Грохот боя раздавался со всех сторон. Те, кто успел схватить оружие, беспорядочно стреляли в разные стороны, но от той стрельбы страдали сами же. Большинство красных, застигнутых врасплох, сдавались без сопротивления. В одном доме были захвачены шесть полковых комиссаров. Пленных было так много, что сначала их расстреливали, боясь восстания, а потом стали сгонять в одну толпу. Бойцы казачьего отряда, охватив станицу с трех сторон, продвигались к ее центру. Взвод, выделенный для поимки Чапаева, прорвался к дому, где тот квартировал. Однако подхорунжий Белоножкин сплеховал: не оцепив дом, повел своих людей во двор. Последовал его приказ выйти всем из дома. Но из окна с противоположной стороны выскочил кто-то. Это и был сам Чапаев. Выстрелом из винтовки подхорунжий ранил бежавшего

в руку. Однако красному комдиву удалось вырваться. В доме, кроме двух женщин, никого не нашли...

Лишь добежав и увидев с десятков пострелянных красноармейцев в нижнем белье, возле дверей штабного дома, выбитые стекла окон, Юлдубаев понял, что штаб дивизии захвачен в станице белыми одним из первых. Рядом просвистело несколько пуль. Мгновенно оценив ситуацию, Али метнулся в ближайший переулочек и вновь перемахнул через плетень. Теперь он бежал садами и огородами, преодолевая ограды и заборы. Целью его было вернуться и выручить товарищей. В станице уже творился полный переполох: стрельба, крики, конский топот, ржание, кудахтанье кур, гогот гусей, короткие пулеметные очереди – все смешалось. Красноармейцы выпрыгивали из окон, выбегали из дверей домов порой в одном нижнем белье с винтовками в руках и палили куда попало.

Вдруг в одном из переулков Юлдубаев увидел босого, невысокого, но усатого крепкого человека в галифе и белой нижней рубашке с маузером в левой руке. Правая была окровавленная и перетянута оторванной тряпкой. Али сразу узнал его, несмотря на столь непривычный для него вид. Он видел его не раз, на боевом коне, в папаше и бурке с шашкой наголо. Спутать его нельзя было ни с кем. Это был сам комдив – Василий Иванович Чапаев. Вокруг комдива уже собралось с десятков человек, одетых как попало и вооруженных винтовками и шашками. Все были возбуждены и перепуганы, но молчали и ждали команды. Али, тяжело дыша, готовый на все, подбежал к ним. С надеждой взглянул он в лицо комдиву. Ни один мускул не дрогнул на лице Чапаева. Густые усы лихо окрыляли губы, взгляд смелых, отчаянных карих глаз был пристален, сметлив и зорок. Только блики раннего утра, поднимавшейся зари, да бледность из-за потери крови делали лицо его еще более грозным и мужественным.

– Слушай мой приказ, ребята! Собирай всех, кого увидишь по пути. Прорываемся к штабу!

– Штабъ взят! Василий Иванич! – прохрипел Али голосом, осипшим от волнения и быстрого бега.

– Врешь!.. А и сам видал!?

– Видель я! Бишь – э-э пять минут назад биль там.

– Зачем в штабе был?

– Комэскадрен Салим посилял.

– Салим жив?

– Недавно живой биль. Сейчас нэ знай, – торопливо отвечал Али.

– Как зовут тя, боец?

– Красноармэц Юлдубаев!

– Молодец, Юлдубай, веди самой короткой дорогой!

Али развернулся и, указывая рукой, побежал вспять, показывая дорогу.

– Отобьем штаб, ребята! А там глядишь, контратакуем, вышибем беляков из станицы! За мной! Патроны береги! С Богом! – крикнул Чапаев и, быстро перекрестившись, побежал, как мог, вслед Юлдубаеву...

Надо отдать должное сметке и находчивости Чапаева. В тот момент, когда штабные крысы и охранение красных в панике побежали к реке, комдив сумел остановить запаниковавших красноармейцев. Собрав около сотни бойцов, сколотив их в отряд, он с двумя пулеметами выбил казаков из захваченного ими штаба. Красные засели за его стенами и начали отстреливаться. В неравном бою с казаками хорунжего Белоножкина Чапаев был тяжело ранен в живот. На снятых воротах соратники донесли его до реки и переправили на другой берег. Но рана оказалась смертельной...

Оборону Лбищенской возглавил начальник штаба дивизии Ночков, бывший офицер царской армии, молодой человек 23 лет. Укрепившись там, красные открыли ожесточенный

огонь и не давали белым захватить центр станицы. Был момент, они даже контратаковали. В это время коммунисты и солдаты конвойной (расстрельной) команды во главе с комиссаром Батуриным заняли партком на окраине, не давая белым охватить штаб с тыла. Казаки ввели в бой резервы, но безрезультатно. Ожесточение схватки за Лбищенскую достигло предела. Тогда хорунжий Сафаров и его люди решились на героический, но безрассудный поступок: вылетели на тачанке к штабу, пытаясь подавить его сопротивление пулеметным огнем. Но все, кто решился на этот шаг, были сражены насмерть или ранены. Видя, что положение критическое, генерал Бородин повел своих штабных выручать раненых. Под огнем из штаба красных в центре станицы к брошенной тачанке кинулся урядник Юткин. Пуля прошила ему грудь навылет. Но, заправив новую ленту из цинка, бил он из пулемета до тех пор, пока красные не прекратили огонь. Тут подошла и батарея. Так решена была участь штаба: от оружейного обстрела красные дрогнули и побежали. Сопротивление красных в центре станицы было сломлено...

Все, что было потом, вспоминалось Юлдубаеву и казалось дурным сном. Он вместе с десятком других красноармейцев бегом на снятой створе ворот донес раненого в живот комдива до реки. С трудом спустили Чапаева с крутого берегового спуска. Положили воронку на воду, толкнули, поплыли. Сверху уже обильно сыпали казачьи пули, поднимая фонтаны брызг, холодная вода бурлила. Плыли через реку минут двадцать. За это время многие пошли на дно. На другой берег вынесли смертельно раненого комдива только трое бойцов и его ординарец Петр Исаев...

Спустя еще полчаса мокрого, продрогшего, усталого, но живого Юлдубаева нашел Салим.

– Похоже, сынок, мы с тобой двое из всего нашего эскадрона живые остались! – негромко произнес он.

– Чапай погиб! – всхлипывая и утирая слезы, отвечал Али...

Дома и хаты станицы Лбищенской уже почти были очищены от красных, но в одном из домов затаился красноармеец, который, увидев сверкнувшие на утреннем солнце погоны, выстрелил в генерала и сразил его наповал. Принявший командование полковник Сладков приказал своим казакам подкатить пулеметы и подавить сопротивление парткома. Пока одни отвлекали красных, ведя с ними перестрелку, другие влезли на крышу соседнего, более высокого дома. Через минуту-другую партком прекратил сопротивление: казачьи пулеметы превратили в решето крышу дома, где собралось большевистское руководство дивизии. Большую часть оборонявшихся перебили.

Участники боя позднее писали и рассказывали, что «красные бежали к Уралу, на ходу сбрасывая одежду, сапоги. Вся река, насколько хватало глаз, покрыта была плывущими людьми. Сотни голов и взмахивающих рук. Тут-то и началась потеха. Казаки выкатили пулеметы. Свинцовые струи резали воду, и там, где проходила струя, там навеки под водой исчезали плывущие. Из бежавших мало кто уцелел». Сотник Киров вспоминал, что «Урал окрасился кровью. Раненые, выбиваясь из последних сил, плыли, но, настигнутые пулей, шли ко дну. Уже на другом берегу подстрелили комиссаршу». К 12 часам дня бой прекратился. Только на улицах Лбищенской насчитали полторы тысячи убитых, а 900 красноармейцев были взяты в плен, не считая погибших в воде и на другом берегу. Тех, кто пытался прятаться, выдали местные жители. Среди них был и комиссар 25-й дивизии П. С. Батурин, незадолго до этого сменивший на этом посту Д. Фурманова.

И тут, не зная о случившемся, в станицу вошли тыловые части, курсанты и карательный отряд красных. Они не успели оказать сопротивления. Всех их посекали казачьи шашки. Трофеи, взятые в Лбищенской, были огромны: амуниция и продовольствие на 2 дивизии,

радиостанция, пулеметы, киноаппараты, 5 аэропланов. Но были и другие трофеи. Полковник Изергин позднее писал: «Среди них было много машинисток. У красных в штабах много пишут... Не обошлось и без курьезов. Есаул Погодаев рассказывал, как подскакал казак Миновсков. Грудь его украшали аж пять орденов Красного Знамени... В чапаевском штабе достали. Там их было несколько коробок. Ребята брали, сколько хотели. Пленные рассказывали, что Чапаю прислали за бои красноармейцам, а он их и раздать не успел»...

Лбищенская спецоперация! Во многом она была подобна конному прорыву и рейду Донского корпуса генерала Мамонтова. Спустя годы даже Дмитрий Фурманов вспоминал, что «казаки при своем талантливом налете во главе поставили опытейших военных руководителей». Потери казаков – 24 человека убитых и 94 раненых... В двадцать пять – тридцать раз меньше, чем потеряли красные. Та операция показала, что действиями сравнительно небольших по численности, но хорошо подготовленных сил в ходе одного удара можно успешно выходить из, казалось бы, безнадежной ситуации, бить превосходящего во много раз противника. Это на своей шкуре теперь усваивала Красная армия, наученная горьким опытом поражений, полученных от своих же соотечественников, стоявших по другую линию фронта, несущих идею Белой России. Но были достигнуты и другие результаты, которых тяжело добиться, проводя боевые действия «в обычном режиме». Уничтожение штаба целой войсковой группы Красной Армии Туркестанского фронта привело к тому, что была нарушена связь между частями. Деморализованные войска РККА бежали к Уральску, на рубежи, с которых они в июле 1919-го начали свое наступление. Для уральцев моральное значение Лбищенской операции заключалось и в том, что бахвалившиеся на каждом митинге победами над казаками комиссары Чапаевской дивизии были уничтожены казачьими руками (да и ранее ни один уральский казачий полк, несмотря на тяжелые потери, не был разбит Чапаевым). Правда, повторению такой спецоперации в Уральске помешали несогласованность действий среди командования, катастрофическое развитие эпидемии тифа и резкое увеличение сил красных на Туркестанском фронте, которые смогли оправиться лишь через 3 месяца, и то только потому, что армии Колчака были уже потрепаны и отступали в Сибирь.

Документальные материалы о тех страшных событиях братоубийственной Гражданской войны сохраняются и поныне. Помощник командира 1-го Партизанского уральского казачьего полка полковник П. А. Фаддеев и есаул Погодаев, принимавшие участие в Лбищенской операции, оставили бесценные воспоминания о них. Эти документы долгое время тайно хранились в Государственном архиве Российской Федерации. Но теперь они доступны для исследования.

* * *

Молодой новочеркасский подъесаул Николай Туроверов в кавалерийской атаке под Тамбовом срубил красного бойца из пехотного полка, бросившего позиции и побежавшего в тыл. В пылу боя, в состоянии ненависти к врагу подъесаул придержал коня, лихо отер лезвие клинка об обшлаг рукава шинели, утер выступавший пот. Вестовой, круживший недалеко от подъесаула, махнул ему рукой, Туроверов кивнул и погнал коня дальше, вслед уходящей сотне. Но минуты не прошло, как он вспомнил лицо поверженного им молодого бойца, и словно соринка в глаз попала. Правое око затмило чем-то, и он, как ни старался, не мог протереть его.

«Может, ровесник мой?» – пронзительно мелькнул вопрос в его голове.

Бой продолжался: казаки брали Тамбов. Уже вечером в захваченном и разоряемом городе та же мысль возвратилась к подъесаулу, и он никак не мог отделаться от нее. Выпил стакан самогону с офицерами-сослуживцами, но исковерканное болью лицо посеченного им

паренька все стояло перед мысленным взором. Расширенные от ужаса и страдания голубые глаза, побелевшее лицо... Удар пришелся по затылку и сбил фуражку. Николай видел, как тот обжал обеими кистями рук голову и, развернувшись, посмотрел на своего врага. Рука красноармейца выпустила винтовку, он упал на бок, скрючившись в предсмертной агонии. Вспоминая это, Туроверов вытащил шашку из ножен и осмотрел клинок. Кровь убитого осталась на правой стороне голомени и засохла. Николай выпил еще. Ему стало немного полегче. Стихи пришли сами. Правая рука потянулась к под сумку и нашла там небольшой сточенный карандаш. На лист записной книжки легли первые строки:

Дымится Русь, сгорают села,
Пылают скирды и стога,
И я сей день с тоской веселой
Топчу бегущего врага,
Скача в рядах казачьей лавы,
Дыша простором диких лет.
Нас озаряет прежней славы,
Казачьей славы пьяный свет,
И сердце все запоминает, —
Легко сечет казак с плеча,
Но кровь на шашке засыхает
Зловещим светом сургуча.

* * *

Противостояние на Южном фронте обозначилось особой остротой. Многие события происходили стихийно, независимо от приказов военачальников обеих сторон. Обмены ударами, несмотря на прорыв в глубину тылов Красной армии корпуса генерала Мамонтова, становились все более хлесткими и ожесточенными.

Уже 15 августа красные попытались перенять инициативу и начали контрнаступление. В ходе ожесточенных и кровопролитных боев группа под командованием Шорина нанесла ряд ударов по Кавказской армии генерала Врангеля и вышла на Дон к Царицыну. Врангель, бросив в бой все резервы, удержал Царицын и принудил красных отказаться от наступления. На вспомогательном направлении (юго-западнее) группа Селивачева продвинулась до 150 километров и вышла на подступы к Харькову. Однако командующей Добровольческой армией генерал Май-Маевский, сосредоточив против Селивачева крупные силы добровольцев и Кубанский конный корпус генерала Шкуро, сумел ударами по флангам оттеснить силы красных на север почти в исходное положение. Казалось, оба противника должны были выдохнуться, перейти к обороне, подтянуть резервы. Но, отразив наступление противника, белогвардейское командование вновь овладело инициативой.

Тем временем казаки Мамонтова взяли Тамбов, Козлов, Лебедин, Елец, Грязи, Касторную, и 11 сентября 4-й Донской конный корпус вышел к Воронежу. Вся Воронежская и Тамбовская губернии были ошеломлены и потрясены этим лихим казацким набегом. Мамонтов имел задачу соединиться с Кубанским конным корпусом Шкуро. В течение месячного рейда донские казаки уничтожали склады красных, взрывали мосты и железные дороги, нарушали управление войсками Красной армии и их снабжение. Они распускали мобилизованных красноармейцев, оказали помощь и вывели из окружения бригаду крестьян-добровольцев, сражавшихся против Советов. Все это вызвало большую тревогу у командования Красной армии.

Рейд белой конницы Мамонтова, захватившего Тамбов на три дня в августе 1919 года, вскрыл пороки большевистской власти и воодушевил многих из простого народа. На Тамбовщине уже вызрело и начало закипать восстание крестьян, направленное против хлебной монополии-продразверстки, комбедов и других злоупотреблений советской власти. Для централизованного руководства восстанием еще 14 июня 1920 года группа белых офицеров в количестве 33 человек встретила с 67 лидерами разрозненных партизанских отрядов и народных дружин. Эта встреча получила название «совещание ста». Это историческое событие произошло в деревне Синие Кусты Тологуловской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. На этом совещании было принято решение свести все антикоммунистические силы крестьян, казаков, офицеров и жителей Тамбовской губернии, а также партизан-повстанцев, в две хорошо организованные армии. Офицеры, казаки и руководители партизанских отрядов и дружин горячо взялись за это дело, и уже в августе 1920 года две хорошо организованные ими партизанские армии, созданные из различных сил русского патриотического сопротивления, вступили в активную борьбу с большевистской властью, нанося ей чувствительные удары. С этого момента восстание, фактически начавшееся стихийно еще в 1918 году, переросло в хорошо организованное движение. Часть оружия повстанцы получили от генерала Мамонтова, захватившего крупнейшие оружейные склады в Тамбове. Да и почти половина мужиков из тамбовской деревни повоевала на Германской войне, послужила в армии и вернулась домой с оружием.

В августе 1919 года сотрудник особой части Отдела пропаганды есаул А. П. Падалкин получил от штаба 4-го Донского корпуса К. К. Мамонтова и полковника К. В. Хартулари (представителя отдела контрразведки штаба ВСЮР) задание установить контакт с «зеленоармейцами» для их перехода в ряды Белой армии. Особо важной считалась та часть задания, где есаулу предписывалось установить контакт с бывшим начальником милиции Кирсановского уезда А. С. Антоновым: «Установить сведения о местонахождении зеленых вообще и в частности Антонова... Связавшись с ним, договориться о возможном присоединении их к корпусу Мамонтова...» Падалкину удалось удачно перейти линию фронта по подложным документам сотрудника милиции. Однако он был арестован как «перебежчик» и отправлен в Красную армию – в Пензенский запасной полк. Из полка Падалкин попытался бежать, но был арестован вновь и отправлен в Бутырскую тюрьму в Москве. Но из Бутырки он был скоро вновь зачислен в Красную армию. Убив комиссара, контрразведчик вновь бежал. К нему присоединилось несколько десятков красноармейцев полка. Проведя в советском тылу около 4 месяцев, он глубокой осенью вновь перешел фронт и вернулся в Ростов. Установить связь с повстанцами ему так и не удалось... Сам Мамонтов, вернувшись из рейда, в своем выступлении перед членами Войскового Круга в сентябре 1919 года докладывал о реальности объединения сил повстанцев с армиями Юга России. И хотя отдельных повстанческих подразделений в составе своего корпуса Мамонтову создать не удалось, им было роздано повстанцам огромное количество оружия с захваченных складов Южного фронта.

Своим рейдом на север Мамонтов бесконечно расширил цели и задачи своих действий, рассчитывая на восстание против советской власти крестьянства и городской буржуазии. Однако он не добился этого. При наличии в этот период колебаний среди крестьян они все же не полностью поддерживали донских казаков. Но за время рейда Мамонтов отвлек на себя значительные силы Красной армии. Он коренным образом нарушил управление на Южном фронте, в наиболее ответственный момент лишив группу Шорина связи с командованием фронта. Штаб фронта метался между городами Козловом и Орлом. Казаки основательно испортили важные участки железных дорог. Стоило нарушить движение еще по одной только дороге Тула – Курск, и положение красных было бы катастрофическим.

Высоко оценивая действия корпуса Мамонтова, Деникин, однако, не скрывал своего недовольства тем, что донские казаки вели себя на захваченных землях южных русских губерний зачастую позорнее, чем в землях Европы, по которым они прошли в годы Мировой войны. Донцы развязали непомерные грабежи, обдирая, унижая мирное русское население деревень, сел и городов. Обремененные огромным количеством награбленного имущества, казачьи части корпуса Мамонтова неуклонно утрачивали боеспособность. Вместо движения на Лиски (важный железнодорожный узел) и разгрома тылов 8-й и 9-й армий красных, чего требовали боевая обстановка и директива главнокомандующего, генерал Мамонтов пошел на запад и переправился через Дон. Следуя по линии наименьшего сопротивления, правым берегом Дона 18 (5) сентября он вывел казачьи полки к Короткову на соединение с конным корпусом генерала Шкуро, наступавшим с юга на Воронеж. Путь на юг донцам был открыт, и потянулись в донские станицы многоверстные обозы с награбленным добром, а вместе с ними и тысячи казаков. Из 8 тысяч сабель в корпусе осталось едва 2 тысячи. Наступление белых армий продолжалось.

Однако же грабежи, бесчинства, массовые расстрелы в захваченных городах, поджоги, погромы, насилия и разрушения, наносившие глубокий урон красным, резко отрицательно сказывались и на положении самих казаков. Ибо они относились к рейду как к средству для очередной наживы, для личного обогащения. Более широкое понимание задач рейда большинству казачества было недоступно.

12 сентября генерал Деникин отдал приказ о переходе в общее наступление «от Волги до румынской границы», предполагая конечной целью взятие первопрестольной столицы. Белые армии, охваченные неудержимым порывом, вновь рванулись к Москве. Уже 20 сентября 1-й армейский корпус генерал-лейтенанта А. П. Кутепова, разгромив группировку 12 полков Красной армии, взял Курск. 30 сентября конный Кубанский корпус овладел Воронежем, выбив оттуда части 8-й армии красных. 13 октября корпус Кутепова вошел в Орел и продолжал наступление на Тулу. Никогда еще белые армии не были так близки к сердцу России. В октябре 1919 года все в штабе Деникина почувствовали: желанное может совершиться. Осталось всего каких-то верст двести. Ликование царило в штабах... Припоминали, что в седую старину, лет триста-четыреста тому назад, во времена набегов конница крымских татар порой прорывалась, докатывалась от Тулы до Москвы за двое суток. Кто тогда способен был осмыслить, что наступила кульминация Гражданской войны в России?..

То было в штабах. Но не учел генерал Деникин положение дел в тылах наступающих армий. Грабежи, разбой, насилие на занятой территории стали для белых миной замедленного действия. Еще в разгар наступления Деникин в письме командующему Добровольческой армией генералу Май-Маевскому характеризовал поведение наиболее идейной части вооруженных сил Юга России:

«Грабят отдельные воинские чины, грабят небольшими шайками, грабят целые воинские части, нередко даже при попустительстве и с позволения лиц командного состава... В грабеже виден широкий размах. Грабит вся армия. Разгромлено или увезено, или продано на десятки миллионов рублей самое разнообразное имущество, начиная от интендантских вещевых складов и кончая дамским бельем. Беспросветная картина грабежей и хищений царит во всей прифронтовой полосе».

Стратегическая обстановка на других фронтах Гражданской войны складывалась неблагоприятно для войск Деникина. На Востоке разбитые армии Колчака оставили Урал, Западную и Центральную Сибирь, неудержимо катились к Байкалу и в Забайкалье. Фронт вооруженных сил Юга России оказался растянутым от Волги до Киева. Все резервы были отвлечены на внутренний фронт для борьбы с неплохо организованными соединениями Махно, Петлюры, с партизанами. В результате из 150-тысячной армии на фронте Астрахань – Царицын – Воронеж – Орел – Киев Деникин имел только 98 тысяч штыков и сабель. При

этом наиболее боеспособная Добровольческая армия насчитывала всего 20 тысяч офицеров и солдат.

Но еще большая опасность, угрожавшая силам Деникина, заключалась в потере опоры среди крестьянства. Разработанный «Особым совещанием» (верховного главнокомандующего – ОСВГ) проект аграрной реформы представлял копию столыпинских мероприятий, начатых еще монархическими и октябристско-кадетскими верхами в 1906–1907 гг. Здесь ставка делалась на «сильного мужика» – кулака. В условиях, когда большевикам удалось разжечь классовую борьбу в деревне между бедным и зажиточным крестьянством, подобная реформа была обречена на провал. Следовавшие за белогвардейскими частями представители власти и контрразведка своим террором и экзекуциями крестьян, уже поделивших и распахавших помещичью и кулацкую землю, вызвали протест и восстания против белогвардейского режима. Крестьянство шатнулось в сторону большевиков и стало пополнять ряды Красной армии. Разлагались под влиянием большевистской агитации и казаки, оторванные от родных станиц.

* * *

В тот момент, когда происходили решающие сражения за судьбу Южного фронта, Советская власть получила еще один тяжелый удар с Северо-Запада. Генерал Юденич при поддержке Антанты начал новое наступление на Петроград. К исходу сентября его армия насчитывала 18 с половиной тысяч штыков, 57 орудий, 500 пулеметов, 4 бронепоезда, некоторое количество танков и самолетов. В начале октября его войска прорвали оборону войск Красной армии и 4 октября заняли Струги Белые, а 12 октября вторично овладели Ямбургом. Одновременно вдоль южного побережья Финского залива пошла в наступление на Петроград эстонская дивизия численностью более 18 тысяч штыков и сабель. С моря ее прикрывала британская эскадра адмирала Лайдонера. Именно в те дни корабли Балтийского флота, вышедшие в Финский залив на защиту Петрограда от британской эскадры, сошлись в бою со своими бывшими союзниками. В той морской баталии англичане были отбиты от Кронштадта и Питера и понесли немалый урон. В середине октября на побережье Копорского залива с английских кораблей высадился десант. Британцы решили оказать прямую помощь эстонцам и белогвардейским частям генерала Юденича и захватить форты «Краснофлотский» (бывш. «Красная горка») и «Передовой» (бывш. «Серая лошадь»). Они предприняли штурм фортов. Но, видимо, английские солдаты и моряки не хотели класть свои жизни в далекой, чужой и холодной России за непонятные им интересы своего правительства, своего короля, русских помещиков и буржуазии. Потому после дружного сопротивления и контратак русских моряков они откатились от фортов и перешли к обороне. Однако наступление Юденича продолжалось. Во второй половине октября его войска заняли Лугу, Гатчину, Царское село, Детское село, Павловск и сосредоточились на подступах к Петрограду.

* * *

Генерал Мамонтов нащупывал на фронте наиболее подходящие места для обратного прорыва. Тем временем Кубанский конный корпус генерала Шкуро продолжал наступление на правом фланге Добровольческой армии. Кубанцы, дравшиеся сначала в составе Добрармии Май-Маевского, по приказу главнокомандующего оставили Курскую и Орловскую губернии, нанесли удар восточнее и овладели Воронежем. Прорвавшись сквозь тылы 8-й армии красных на правый берег Дона, потрепанные в боях, разложенные разбоем, грабежом и дезертирством остатки Донского корпуса генерала Мамонтова 19 сентября около 10 часов утра вышли на соединение с Кубанским казачьим корпусом генерала Шкуро юго-

восточнее Воронежа. Тут и там донцы стали встречать их отдельные передовые части и разведку. Это привело к приостановке наступления особой группы Красной армии под командованием Шорина.

Подъесаул Николай Туроверов получил задание начальника штаба полка выяснить, с какими частями Кубанского корпуса им предстоит выйти на соединение. Впереди на западе лежало большое и богатое воронежское село. Туроверов и два сопровождавших его казака-разведчика подъехали к селу на расстояние выстрела кавалерийской винтовки и остановились в посадке, где еще сохранялась желтеющая листва, скрывавшая казаков. В селе тревожно били в небольшой церковный колокол, что глуховато гудел на каменной, выкрашенной в желтый цвет колокольне, возвышавшейся над соломенными кровлями хат.

– Нет ли там красных, Николай Николаич? – озабоченно спросил у подъесаула чернотусый вестовой средних лет (из новочеркасских казаков), натягивая удила, поглаживая коня по храпу и успокаивая его.

Другой – рябой и русский казачина, мобилизованный, но принимавший, по его словам, участие в весеннем восстании верховских станиц Дона, достав винтовку из-за спины и поправив шашку, негромко вымолвил:

– Поостеречься б нам, вашбродь.

– Вижу сам, братцы, – отвечал Туроверов, поднося к глазам бинокль.

Взгляд подъесаула уперся в верхний ярус колокольни, и он довольно ясно различил какого-то молодого белокурого парня в телогрейке, что тянул на себя канат и раскачивал язык, ударявший в стены колокола. Порой парень что-то кричал, и Туроверову показалось, что снизу в него стреляли. Винтовочные выстрелы через секунду-другую донесли до казаков. Туроверов опустил бинокль ниже и увидел, что между хат гарцуют верховые в черкесках и лохматых папах. На плечах у них были различимы погоны.

– Нет, братцы, в селе наши. По мундиру похоже – кубанцы. Это, видать, кто-то из местных большевиков шум устроил и решил в колокол позвонить за упокой советской власти и своей красной души. Побежали-ка вперед, – негромко сказал-скомандовал подъесаул.

Казаки тронули коней. Минут через семь они были уже близ околицы. В селе явно творился переполох. Где-то начинался пожар, и тянуло едким желтовато-белым дымом. Раз от разу палили из винтовки, слышались мужские крики и хохот, женский ор, детский плач, боевой гогот гусей, кудахтанье кур, и все это перекрывал загроможденный колокольный гул. Туроверов, насмотревшийся за последние дни на казачьи грабежи и мародерство, все же почувствовал что-то неладное. Какое-то внутреннее чувство и интуиция подсказали ему, что здесь что-то не так...

Еще не въехали они в село, как вдруг из кустов встречу им выбежала молодая, растрепанная женка с синяком под глазом и истошно завопила:

– Ой, ратуйте, православные! Ой, Галиночка! Ой, Галина! Спаситя! Помогитя!

Увидев верховых, она перекрестилась и со всех ног бросилась к ним.

– Ой! Спаситя, русския, казачки! – в ужасе верещала она, протягивая к ним руки.

Туроверов быстро оставил седло и попытался успокоить молодку, но та в истерике указывала на кусты и, хватая за рукав, тянула Николая туда. Двое разведчиков сошли с коней и во главе с подъесаулом стали быстро продираться через кусты ивняка и заросли лопухов направо от дороги. Туроверов вроде бы и удивился, но с другой стороны все сразу стало понятно ему. Казаки увидели, что какой-то здоровенный кавказец (вероятно, кабардинец или дагестанец) в черкеске, сбросив папаху с головы и приспустив штаны, завалил русскую бабу и, раздрав на ней исподнее, насильно раздвигает ей ноги. Другой кавказец поменьше, в папахе и в черкеске, одной рукой зажимал ей рот, придушил и пытался плетью стянуть ей руки. Все стало ясно казакам без слов. Туроверов догадался, что перед ним представители

одного из полков «доблестной» Сводной горской дивизии мусульман Кавказа. Он неоднократно слышал о «подвигах» этих головорезов от офицеров Кубанского корпуса.

«Слава Богу, что винтовки насильников приставлены к стволу дерева, а кинжалы в ножнах», – мелькнула мысль в голове подбесаула.

Он мигнул, и его вестовой быстро овладел винтовками «черкесов». Тот, что пытался связать женщине руки, кинулся было к оружию, но вестовой ударом сапога в нос и в зубы свалил его на землю и этим, вероятно, выключил его на время. Верховской казак передернул затвор и направил ствол на главного насильника. Тот поднялся на ноги, натягивая штаны, и, растопырив указательный и безымянный пальцы правой кисти, уперся своим взглядом в подбесаула. Лицо его стало хищным и наглым.

– Буту тэбэ эпать, и мой джигит твои казаки эпать буту! – вызывающе прошипел он.

Казаки с долей испуга на лице попятились назад, но Туроверов не думал ни секунды. Удивительно, но правая его рука не потянулась к шашке на левом боку, пальцы ее не растегнули кобуру, чтобы выхватить револьвер и направить его на «черкеса». Нет, рука сама собой, сжав кисть и пальцы в кулак, описала правильную дугу и нанесла тяжелый удар в лицо насильнику. Тот, опрокинутый хлестким и мощным укоротом, пал навзничь. Рот его от удивления раскрылся, глаза округлились, из носа потела юшка.

– Свою эпалку воткни в свой вониючий зад! – с омерзением негромко проскрежетал подбесаул.

Для немного опеших казаков удар их офицера послужил сигналом. Они накинлись на «черкеса» и стали с остервенением молотить его ногами и прикладами винтовок. Тот под градом ударов смог подняться на колени, поднять руки и начать умолять:

– Русски, не убивай, просты. Ради Аллах! Нэ надо убивать!

Вестовой Туроверова, озверело ухватив насильника за ворот, порвал на нем черкеску. Верховской казак нанес ему удар сапогом в лицо. Тот, несмотря на грузную фигуру и высокий рост, ловко перевернулся и, вскочив на ноги, бросился бежать в сторону села. Но вестовой умело подсек «черкеса» ударом ноги в падении. Насильник вновь распластался на земле. Казаки, словно коршуны, сызнова бросились добивать и клевать свою добычу.

– Братцы, да дайте мне хоть разок-то вдарить! – с долей сожаления воскликнул подбесаул, понимая, что его подчиненные взяли дело в свои руки и добивают кавказца.

Нет, Туроверову не жаль было насильника, но он действительно, как в молодецкой драке, хотел внести и свою лепту в это мужское правое дело.

– Остынь, вашбродь, без тебя совладаем! – сопел верховской детина, нанося очередной удар кулаком.

«Черкес», понимая, что приходит его смертный час, вероятно напрягая все силы своего большого и грузного тела, все же вдруг сделал последний, казалось, спасительный для него рывок, и, освободившись из рук своих губителей, побежал сквозь кусты в сторону села.

Туроверов соображал мгновенно. Он увидел кровавые ссадины на голове и шее кавказца, рваные и располосованные черкеску и бешмет, увидел, что тот бежит босиком. И в то же мгновение пальцы его правой руки вырвали револьвер из кобуры, и он, не задумываясь, нажал на курок, дважды выстрелив в спину бежавшего. Тот кувырнулся и исчез в кустах.

– Ну-ка, хлопцы, быстро по коням, а то весь их табор здесь скоро будет! – скомандовал подбесаул.

Он мгновенно обозрел место стычки с «черкесами». Тот невысокий, которого верховской казак ударил в висок в самом начале, приходил в себя, лежа на боку, и начал шевелиться.

– Добить энтово? – указывая пальцем, спросил вестовой.

– Оставь. Пусть оживет, другим таким же порасскажет, как трогать русских баб.

Взгляд его остановился на женщинах, стоявших у кустов в некотором отдалении и с ужасом наблюдавших за происходящим.

– Как же ты, такая-разэтакая, под того абрека попалася? – с долей облегчения и тревожной улыбкой спросил Туроверов у той, что подверглась насилию.

– В лещине мы ховалися, да я по малой нужде было, а он-от заметил и за мною увязался... – вытирая слезы, всхлипывая, отвечала молоденькая, довольно смазливая крепстьянка.

– Ну, бабы, ноги в руки да бегом отсель, да подале, а то набегут скоро их дружки. А так нет нас тут и не было, и спросу никакого! – с этими словами подьесаул огрел плетью коня, и скоро казаки растаяли в лощине за полем.

* * *

В самый разгар наступления вооруженных сил Юга России большевистское руководство напрягло все силы Республики для разгрома армий генерала Деникина. По предложению Главкома С. С. Каменева Южный фронт был разделен на Южный (14-я, 13-я, 8-я, а затем и 12-я армии) и Юго-Восточный (9-я, 10-я, и 11-я армии). Для Южного фронта под командованием А. И. Егорова (члены Реввоенсовета – И. В. Сталин, М. М. Лашевич) основным направлением стало Орловско-Харьковское. Юго-Восточный фронт, которым командовал В. И. Шорин, был нацелен на Царицын и Новочеркасск. Меры, предпринятые правительством большевиков, позволили уже к середине октября иметь на Южном и Юго-Восточном фронтах около 155 тысяч штыков и 21 тысячу сабель, 892 орудия. Красная армия превосходила силы армий Деникина в полтора раза. Она имела и огромное превосходство в резервах, которые у Деникина были уже исчерпаны. За сентябрь – ноябрь 1919 года Южный и Юго-Восточный фронты получили пополнение численностью до 325 тысяч бойцов. Красные постепенно обрели и моральное превосходство над противником, особенно над казачьими частями Донской и Кавказской армий, для которых война представлялась как бы на «чужой территории».

Гниль, нечисть, уголовщину, партизанщину и анархию словно железной метлой выметало из рядов Красной армии. «Виновата» в этом была и Белая гвардия, наносившая Красной армии страшные, но не смертельные удары. Снося их, Красная армия училась у белых, ведь учителя и ученики были людьми одной крови, одного происхождения и воспитания. Опыт и итоги поражений осваивались и реализовывались очень быстро, ведь это был не германский, а внутренний российский фронт. Волей Провидения и Его попущением за два года правления большевики, вопреки, казалось бы, идеям интернационализма, изначально вынашиваемым ими, все более проникались идеями государственности, основанной на жесткой дисциплине, порядке и законности. Удивления достойно, но и понятно. Все это было прикрыто красным флагом социализма, но большевики все активнее использовали имевшийся в их распоряжении мощный потенциал Российской империи. Более половины руководства Красной армии было представлено старшими офицерами старой русской армии, по разным причинам перешедшими на сторону советской России. В свое время полковниками были А. И. Егоров, В. И. Шорин, генералом – В. И. Селивачев. А тысячи бывших офицеров среднего и младшего командного состава зачастую добровольно сражались в рядах РККА. В штабах армий Юга России видели и понимали, что по ту сторону линии фронта им зачастую противостоят их бывшие соратники по германской войне, такие же выученики, наследники и преемники великих традиций и боевого опыта русской армии.

В 1919 году в частях РККА началась серьезная реорганизация. Отныне кавалерийские бригады стрелковых дивизий были использованы для формирования частей стратегической кавалерии (отдельных бригад, дивизий, корпусов). Уже в сентябре 1919 года в составе 10-й армии из двух кавалерийских бригад дивизионной кавалерии и одной отдельной прославленной кавбригады (Д. П. Жлобы) был образован Конно-сводный корпус под командованием Думенко. Для усовершенствования командного состава кавалерии и подготовки командиров

полков и эскадронов в 1919 году в Петрограде на базе Офицерской кавалерийской школы старой армии стала действовать Высшая кавалерийская школа Красной армии. И это только один из ярких примеров того, как наследие и опыт старой армейской школы осваивала и примеривала на себя армия молодой Российской социалистической республики.

Главная роль в предстоящем контрнаступлении отводилась войскам Южного фронта, командование которого создало две ударные группировки – северо-западнее Кром и восточнее Воронежа. Решающий удар из района Кром должна была нанести группа в составе Латышской стрелковой дивизии, Особой стрелковой бригады и кавалерийской бригады Червоного казачества. Группе предписывалось действовать во фланг и тыл частям Добровольческой армии, выдвинувшимся к Орлу, в общем направлении на участок железной дороги Орел – Курск. В том же направлении должны были наступать войска 13-й и 14-й армий. Второй удар из района восточнее и северо-восточнее Воронежа наносился частями 8-й армии, которой был придан вновь созданный Конный корпус С. М. Буденного. Эта ударная группировка должна была овладеть Воронежем, Касторной и выйти юго-западнее реки Дон. В ходе операции Конный корпус, располагавший наиболее испытанными и боеспособными частями красной конницы, должен был разгромить казачьи корпуса Мамонтова и Шкуро.

* * *

В первой половине октября части Дроздовской и Корниловской дивизий дрались под Орлом, Дмитровском, Кромами. Соппротивление красных было стойким и ожесточенным. Потери с обеих сторон были столь значительны, что порой было непонятно, кто наступает, кто обороняется. Артиллерия и обозы отставали от передовых частей. Шли дожди. Войска, двигавшиеся вдоль шоссейных и железных дорог, изнемогали от усталости.

2-я артиллерийская батарея артдивизиона дивизии Дроздовского заняла небольшое село где-то западнее Нарышкино и южнее Хотынца. Солдаты и офицеры расположились по хатам на постой. Свечерело, похолодало и вновь начал моросить дождь. В одной из хат, где остановился подпоручик Космин, немолодая хозяйка растопила печь, и в доме стало уютно и тепло. Космин смертельно устал за день. В углу кухни он сдвинул две лавки, постелил на них шинель, положил вещевого мешок под голову, накрыв его свежим рушником, снял сапоги и портянки. Посидев немного у печи, погревшись, попив чаю, Кирилл лег на свою постель и, казалось, уснул. Тихо скрипнула дверь, и мимо него кто-то прошел легкими девичьими шагами. Затем за дощатой стеной, отделявшей кухню от горницы, негромко заговорили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.